

Саксонские
хроники

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВОЙН

*В книгах Корнуэлла лучшие описания битв,
какие мне когда-либо доводилось читать.*

Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»

Бернард Корнуэлл
Повелитель войн
Серия «The Big Book.
Исторический роман»
Серия «Саксонские хроники», книга 13

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66868468

*Повелитель войн: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-20497-3*

Аннотация

Великий британский полководец Утред достиг преклонных лет и мечтает о мирных днях в родовом гнезде, своем любимом Беббанбурге. Однако у неумолимой судьбы другие планы...

Много лет назад, выиграв решающую битву, Утред возвел Этельстана, внука Альфреда Великого, на трон Уэссекса. Молодой король дал своему другу и наставнику лорду Утреду клятву никогда не сражаться с ним и не вторгаться в его родную Нортумбрию. И вот эта клятва нарушена. Враги Этельстана, желающие прибрать к рукам саксонские королевства, обращаются за поддержкой к Утреду. Неужели лорд встанет под их знамена? Исполнится ли мечта Альфреда Великого об объединении всех англоязычных народов под властью одного монарха?

Тринадцатый роман из цикла «Саксонские хроники». Впервые на русском!

Содержание

Географические названия	7
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	42
Глава 3	80
Глава 4	117
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Бернард Корнуэлл

Повелитель войн

*«Повелитель войн» посвящается Александру
Дреймону*

Bernard Cornwell
WAR LORD

Copyright © Bernard Cornwell, 2020
All rights reserved

© А. Л. Яковлев, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Географические названия

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Я принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий» или «Кембриджским словарем английских географических названий» для эпох ближайших или включающих время правления Альфреда – 871–899 годов н. э. Но даже это решение не гарантирует от ошибок. Название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейгге». Сам я тоже был не слишком последователен, используя современную форму «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд», тем самым избегая намека на то, что границы древнего королевства могли совпадать с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Бebbанбург – Бамбург, Нортумберленд

Бринстэн – Бримстейдж, Чешир

Бургем – Имонт-Бридж, Камбрия
Вилтунскир – Уилтшир
Вир – река Уайр
Вирхелум – Уиррел, Чешир
Глимпрекр – Лимерик, Ирландия
Дакор – Дэкр, Камбрия
Дингесмер – Уоллеси-Пул, Чешир
Дунхолм – Дарэм, графство Дарэм
Дун-Эйдин – Эдинбург, Шотландия
Йорвик – Скандинавское название Йорка
Кайр-Лигвалид – Карлайл, Камбрия
Лаутер – река Лоутер
Легесестерскир – Чешир
Линдисфарена – Линдисфарн, Нортумберленд
Линкольн – Линкольн, Линкольншир
Лунден – Лондон
Мамесестер – Манчестер
Мён – остров Мэн
Мэрс – Мерси
Оркнейяр – Оркнейские острова
Острова Фарнеа – Фарнские острова, Нортумберленд
Раммесбери – Рамсбери, Уилтшир
Риббель – река Риббл
Сестер – Честер, Чешир
Скиптон – Скиптон, Йоркшир
Снотенгэхем – Ноттингем, Ноттингемшир

Снэланд – Исландия

Страт-Клота – Стратклайд

Судрейяр – Гебридские острова

Суморсэта – Сомерсет

Темез – река Темза

Теса – река Тис

Тинан – река Тайн

Туэд – река Туид

Фойрт – река Форт

Хеабург – Уайтли-Касл, Камбрия

Хеден – река Иден

Эмотум – река Имонт

Эофервик – Йорк, Йоркшир

Часть первая

Нарушенная клятва

Глава 1

В кольчужном доспехе летом очень жарко, даже если покрыть его белой льняной тканью. Железо тяжелое и жжет немилосердно, да и кожаная поддевка добавляет неудобств. Солнце с самого утра дышало огнем как кузнечный горн. Конь, которому досаждали мухи, беспокоился. Ни единому дуновению ветерка не удавалось перебраться через угнетенные полуденным солнцем горы. Алдвин, слуга, держал мое копье и щит с нарисованной на нем волчьей головой Беббанбурга. Рукоять меча раскалилась так, что больно было прикасаться. Шлем с серебряным гребнем, подбитый кожей, в бою закрывал всю голову, его нащечники, зашнурованные поверх рта, оставляли видимыми только глаза в обрамлении боевой стали. Противник не разглядит шрамов от проведенной в боях жизни, зато увидит волчью голову, золотую цепь на моей шее и тяжелые золотые браслеты на руках, завоеванные в сражениях. Сейчас шлем болтался на луке седла.

Врагов у меня полно. Я хорошо известен, а самые храбрые либо самые глупые мечтают меня убить, чтобы прославить

свое имя. Вот почему я привел к холму восемьдесят три дружинника – чтобы убить меня, противнику придется одолеть также и их. Мы – воины Беббанбурга, свирепая волчья стая с севера. Восемьдесят четвертым был поп.

Священник, сидевший на одном из моих скакунов, не носил кольчуги и не имел оружия. Узкое, чисто выбритое лицо, острые глаза. Он был вдвое моложе меня, но седина уже проступила на висках. Облачен в длинную черную рясу, на шее – золотой крест.

– Тебе в твоём наряде не жарко? – спросил я.

– Неуютно, – подтвердил он. Сказано было на датском, его родном языке, на котором я разговаривал в детстве.

– Ну почему я всегда воюю не на той стороне? – пробормотал я.

На это священник улыбнулся:

– Лорд Утред, никому не уйти от судьбы. Тебе суждено потрудиться ради Господа, желаешь ты того или нет.

Я прикусил язык, с которого готов был сорваться язвительный ответ, и продолжил разглядывать широкую безлесную равнину, где солнце отражалось от белесых скал и серебрилась маленькая речка. Высоко на восточном склоне щипали траву овцы. Пастух заметил нас и попытался угнать стадо на юг, подальше, но оба его пса страдали от жары, усталости и жажды и скорее распугали овец, чем сбили их в отару. Крестьянин зря боялся.

В самой глубине долины когда-то пролегал римский

тракт, теперь превратившийся в тропу из утоптанного грунта с наполовину утонувшими в земле и заросшими камнями. Прямая, как бросок копья, дорога следовала руслу, а потом сворачивала на запад. Сворачивала именно там, под горой, где ждали мы. Сокол кружил над поворотом, подставив неподвижные крылья потокам нагретого воздуха. Далекий южный горизонт расплывался в мареве.

И вот из этого марева появился один из моих разведчиков. Он мчался во весь опор, и это могло означать только одно: враг на подходе.

Я отвел своих людей и священника немного назад, за склон, – так, чтобы нас не было видно. В нетерпении я выдвинул Вдох Змея из ножен на ширину ладони и вогнал обратно. Алдвин предложил взять щит, но я покачал головой:

– Пусть появятся.

Отдав ему шлем, я спешил и отправился с Финаном и сыном к гребню, где мы залегли, глядя на юг.

– Как-то все не так, – буркнул я.

– Это судьба, – отозвался Финан. – А судьба – сука.

Мы лежали в высокой траве, глядя на клубы пыли, поднимающиеся из-под копыт скакуна разведчика.

– Ему бы следовало ехать по обочине, – пробормотал Финан. – Там пыли нет.

Разведчик, в котором я теперь узнал Осви, свернул с дороги и начал длинный подъем по склону к тому месту, где залегли мы.

– Ты уверен насчет дракона? – спросил я.

– Такую зверюгу не пропустишь, – ответил Финан. – Чудище пришло с севера, так что это он.

– А звезда падала с севера на юг, – добавил мой сын, сунув руку под кольчугу, чтобы коснуться креста. Утред – христианин.

Пыль в долине осела. Враг приближался, вот только я не ведал, кто этот враг. Знал лишь, что сегодня мне предстоит сразиться с королем, идущим с юга. И все это казалось каким-то неправильным, так как звезда и дракон предрекали, что зло придет с севера.

Все жаждут знамений. Даже христиане ищут знаки в окружающем мире. Мы вглядываемся в полет птиц, опасаемся падения ветки, всматриваемся в рисунок, оставленный ветром на воде, затаиваем дыхание при крике лисицы и сжимаем амулеты, стоит лопнуть струне на арфе. Но знамения тяжело истолковать, если только боги не хотят изложить свою волю прямо. И вот три ночи назад боги отправили в Беббанбург предельно ясное послание.

Зло обязано было прийти с севера.

* * *

По ночному небу над Беббанбургом пролетел дракон. Я сам пропустил это зрелище, зато Финан видел, а я ему доверяю. Зверь был огромный, сказал он, со шкурой словно из

чеканного серебра, с горящими как угли глазами и с крыльями, достаточно широкими, чтобы закрыть звезды. При каждом взмахе этих громадных крыльев море бурлило, как при порыве шквалистого ветра в тихую погоду. Чудище повернуло морду в сторону Беббанбурга, и Финан подумал было, что пламя вот-вот охватит всю крепость, но раскинутые крылья еще раз медленно поднялись и опустились, море внизу взволновалось, и дракон полетел на юг.

– А прошлой ночью упала звезда, – сообщил отец Кутберт. – Мехраса ее видела.

Отец Кутберт, беббанбургский священник, был слеп и женат на Мехрасе – диковинной смуглой девице, которую мы спасли от работорговца в Лундене много лет назад. Девицей я называл ее по привычке, потому как она, ясное дело, была теперь уже средних лет. Все мы стареем.

– Звезда падала с севера на юг, – настаивал отец Кутберт.

– И дракон появился с севера, – добавил Финан.

Я промолчал. Бенедетта прильнула к моему плечу. Она тоже ничего не сказала, но ее рука крепче сжала мою.

– Чудеса и знамения, – проговорил отец Кутберт. – Что-то ужасное грядет. – Он перекрестился.

Наступал летний вечер. Мы сидели на улице. Ласточки порхали под карнизами, а внизу, под восточными стенами, беспрестанно накатывались на берег длинные волны. Волны задают нам ритм: бесконечный звук, сопровождающий подъемы и падения. Я родился под этот звук и скоро, должно

быть, умру под него. Я коснулся молота-талисмана и взмолился о смерти под шум беббанбургских волн и крики чаек.

– Что-то ужасное, – повторил отец Кутберт. – И придет оно с севера.

А может, дракон и падающая звезда предвещают мою смерть? Я снова коснулся молота. Я до сих пор мог скакать на коне, держать щит и махать мечом, но боль в суставах к концу дня напоминала о старости.

– Самое скверное в смерти, – нарушил я тишину, – это невозможность узнать, что случится дальше.

Некоторое время все молчали, потом Бенедетта снова сжала мою руку.

– Глупец ты, – сказала она нежно.

– И всегда им был, – вставил Финан.

– Возможно, из Валгаллы ты увидишь, что произойдет дальше? – предположил отец Кутберт. Христианскому священнику не полагалось верить в Валгаллу, но он давно привык угождать мне. Поп улыбнулся. – А может, ты примкнешь к лону римской церкви? – В его тоне угадывалось лукавство. – Уверяю тебя, с небес очень хорошо видно землю!

– Во время всех твоих попыток меня обратить ты ни разу не обмолвился, что в раю есть эль, – огрызнулся я.

– Неужто я забыл про это упомянуть? – Кутберт все еще улыбался.

– В раю найдется вино, – заметила Бенедетта. – Доброе вино из Италии.

Все умолкли. Вино нам не слишком-то нравилось.

– Слышал я, что король Хивел поехал в Италию, – про-
бормотал сын. – Или только подумывает?

– В Рим? – осведомился Финан.

– Так говорят.

– Мне бы хотелось побывать в Риме, – с грустью промол-
вил отец Кутберт.

– Ничего в Риме нет, – бросила презрительно Бенедетта. –
Развалины да крысы.

– И его святейшество, – мягко напомнил Кутберт.

Снова все помолчали. Хивел, который был мне по душе,
являлся королем Диведа, и если он собрался ехать в Рим, то
между валлийцами и саксами в Мерсии будет мир, отсюда
беды ждать не стоит. Но дракон пожаловал не с юга и не с
запада, а с севера.

– Скотты, – высказал я предположение.

– Они по горло заняты дракой с норманнами, – бросил
Финан.

– И набегами на Камбрию, – с горечью добавил мой сын.

– Да и Константин уже стар, – напомнил отец Кутберт.

– Мы все старые.

– И Константин предпочитает строить монастыри, нежели
вести войну, – продолжил священник.

У меня это вызвало сомнение. Константин – король Шот-
ландии. Мне доставляли удовольствие встречи с ним – это
был мудрый и выдержанный человек, но доверия я к нему не

питал. Ни один нортумбриец не поверит скотту, а скотт не станет полагаться на нортумбрийца.

– Никогда они не кончатся, – уныло проворчал я.

– Что? – спросила Бенедетта.

– Войны. Беды.

– Будь мы все христианами... – заикнулся было Кутберт.

– Ха! – отрезал я.

– Но дракон и звезда не лгут, – продолжил поп. – Беда придет с севера. Пророк так и сказал в Писании: «*Quia malum ego adduco ab aquilone et contritionem magnam*».

Он помедлил в надежде, что кто-то из нас попросит перевести.

– «Я приведу от севера бедствие, – огорчила его Бенедетта, – и великую гибель»¹.

– «Великую гибель!» – зловеще повторил отец Кутберт. – Зло придет с севера! Так написано!

И на следующее утро зло пришло.

С юга.

* * *

Корабль появился с юга. Ветра почти не чувствовалось, море было спокойным, низкие волны бессильно разбивались о длинный беббанбургский пляж. Приближающееся судно с

¹ Иеремия, 4: 6.

крестом на штевне оставляло после себя рябь, игравшую золотом в свете утреннего солнца. Оно шло на веслах, лопасти поднимались и опускались в неспешном, усталом ритме.

– Бедолаги, видно, всю ночь гребли, – предположил Берг. Он командовал утренней стражей на стенах Беббанбурга.

– Сорок весел, – прикинул я скорее с целью поддержать разговор, чем сообщить Бергу вполне очевидный факт.

– И идет сюда.

– Вот только откуда?

Берг пожал плечами.

– Что сегодня будет? – спросил он.

Пришел мой черед пожимать плечами. То же, что и всегда. Будут ставить на огонь котлы, чтобы прокипятить грязное белье, к северу от крепости в больших чанах примутся вываривать соль, воины станут упражняться во владении щитом, мечом и копьем, лошадей поведут на выгул, будут коптить рыбу, доставать воду из глубоких колодцев и варить эль в кухнях.

– Я предпринимать ничего не собираюсь, а вот ты возьми двух человек и напомним Олафу Эйнерсону, что он задолжал мне с уплатой подати. Много задолжал.

– Господин, у него жена больна.

– Он это прошлой зимой говорил.

– И половину его стада угнали шотландцы.

– Скорее он продал скотину, – процедил я. – Никто другой не жаловался на набеги скоттов этой весной.

Олаф Эйнарсон унаследовал держание от своего отца, который всегда платил аренду в срок овчинами или серебром. Олаф-сын, был крепким и смышленным малым. Его амбиции, очевидно, не ограничиваются выпасом скота на горных пустах.

– Я тут прикинул и решил: возьми пятнадцать воинов и вышиби дурь из этого ублюдка. Не доверяю я ему.

Корабль подошел достаточно близко, чтобы я мог разглядеть трех человек, сидящих перед кормовой площадкой. Один из них был священником – по крайней мере, одет в длинную черную рясу. Именно он встал и помахал, повернувшись к нашим стенам. Я на приветствие не ответил.

– Кто бы они ни были, приведи их в главный дом, – приказал я Бергу. – Пусть посмотрят, как я пью эль. И подожди вправлять мозги Олафу.

– Подождать, господин?

– Давай сначала послушаем, что за новости нам привезли. – Я кивнул в сторону корабля, поворачивающего к узкому входу в беббанбургскую гавань. Насколько было видно, груза на судне нет, а гребцы выглядели измотанными. Похоже, корабль доставил срочные вести.

– Он от Этельстана, – предположил я.

– От Этельстана? – переспросил Берг.

– Корабль ведь не нортумбрийский, так? – У нортумбрийских кораблей острые штевни, тогда как южные корабли предпочитали широкий нос. К тому же на судне крест, а это

на нортумбрийских кораблях редкость. — Да и кто еще станет использовать попов в качестве гонцов?

— Этельстан.

Понаблюдав, как корабль входит в канал порта, я свел Берга со стены:

— Позаботься о гребцах. Пошли им еды и эля, а треклятого попа веди ко мне.

Я поднялся в дом. Там двое слуг отчаянно воевали с паутиной, орудуя двумя длинными ивовыми метлами с пучком перьев на конце. Бенедетта следила за тем, чтобы из крепости изгнали всех пауков до единого.

— У нас гости, — сообщил я ей. — Так что войну с пауками придется отложить.

— Это не война, — возразила женщина. — Я люблю пауков. Только не у себя дома. А что за гости?

— Думаю, посланцы от Этельстана.

— В таком случае мы должны принять их соответствующим образом! — Она хлопнула в ладоши и распорядилась установить скамьи. — И установите трон на помосте, — последовал ее приказ.

— Это не трон, — сказал я. — Просто чудная скамья.

— Уфф! — Этот звук Бенедетта издавала в тех случаях, когда досадовала на меня. Я усмехнулся, и это только сильнее распалило ее. — Это трон, — отрезала она. — А ты — король Беббанбурга.

— Владелец, — поправил ее я.

– Ты не в меньшей степени король, чем эта дубина Гутфрит, – женщина сделала знак, отгоняющий нечисть, – или Овейн, или кто там еще.

Это был старый спор, и я не стал его продолжать.

– Пусть девушки принесут эль, – приказал я. – И еды какой-нибудь. Желательно не тухлой.

– А ты облачишься в черное одеяние. Я дам.

Бенедетта была родом из Италии. Еще девочкой работорговцы похитили ее из дома, а потом ее продали. Она успела побывать невольницей в разных странах христианского мира, пока не оказалась в Уэссексе. Я освободил ее, и теперь она стала хозяйкой Беббанбурга, хотя и не моей женой. «Бабушка, – частенько говорила мне Бенедетта, неизменно осеняя себя при этом крестом, – запрещала мне выходить замуж. Утверждала, что это навлечет на меня проклятие! Мне по жизни хватило зла. Теперь я счастлива, и чего ради мне навлекать на себя проклятие бабушки? Она никогда не ошибалась!»

Я нехотя дал ей напялить на меня дорогое черное одеяние, но отказался надеть покрытый бронзой венец, принадлежавший моему отцу. Затем уселся на скамью и стал ожидать прихода священника. Бенедетта пристроилась рядом.

С солнечного света под пыльные своды большого беббанбургского дома вступил мой старый друг. Это был отец Ода, ныне епископ Раммесберийский, высокий и представительный в длинной черной сутане с каймой из темно-красной

материи. Сопровождавшие его два западносаксонских воина покорно отдали моему слуге мечи и проследовали за Одой.

– Любой бы решил, – произнес епископ, подходя ближе, – что видит перед собой короля!

– Так и есть, – подхватила Бенедетта.

– А тебя любой бы принял за епископа, – сказал я.

Он улыбнулся:

– Милостью Божьей, лорд Утред, я и есть епископ.

– Милостью Этельстана, – уточнил я, потом встал и поприветствовал гостя, обняв его. – Тебя стоит поздравить?

– Если хочешь. Сдается, я первый дан, ставший епископом в Ингланде.

– Так это теперь называется?

– Это куда проще, чем представляться первым епископом-датчанином в Уэссексе, Мерсии и Восточной Англии. – Он отвесил поклон Бенедетте. – Госпожа, рад снова видеть тебя.

– И я рада встрече, милорд епископ. – Итальянка слегка поклонилась.

– Ого! Так молва ошибается! Изящные манеры живы в Беббанбурге! – Он широко улыбнулся мне, довольный своей остротой, и я улыбнулся в ответ.

Ода, епископ Раммесберийский! Единственным достойным удивления фактом являлось то, что Ода был даном, сыном языческих переселенцев, вторгшихся в Восточную Англию в войске Уббы, которого я убил. И вот теперь дан и

сын язычников-родителей стал епископом в саксонском Ингланде! Это возвышение было заслуженным. Ода человек ловкий, умный и, насколько я мог судить, на редкость порядочный.

Возникла небольшая заминка, так как Финан, видевший прибытие Оды, пришел поприветствовать его. Ода был с нами во время обороны лунденских ворот Крепелгейт – схватки, обеспечившей Этельстану трон. Я не был христианином и не любил христианство, но трудно питать неприязнь к человеку, который бок о бок с тобой сражался в жестоком бою.

– О, вино! – воскликнул Ода при виде слуги, после чего обратился к Бенедетте: – Без сомнения, благословленное итальянским солнцем?

– Оно больше похоже на мочу франкских поселян, – буркнул я.

– Госпожа, его обаяние просто неистощимо, не так ли? – отозвался Ода, усаживаясь. Потом он посмотрел на меня и коснулся тяжелого золотого креста на груди. – Лорд Утред, я принес вести. – Голос его сделался серьезным.

– Так я и думал.

– Которые тебе не понравятся. – Ода смотрел на меня.

– Которые мне не понравятся, – повторил я, ожидая продолжения.

– Король Этельстан в Нортумбрии, – спокойно сообщил епископ, по-прежнему глядя мне в глаза. – Он вошел в Эофервик три дня назад. – Ода помедлил, как если бы ожидал

взрыва возмущения с моей стороны, но я молчал. – Король Гутфрит неправильно истолковал наше появление и сбежал.

– Неправильно истолковал, значит, – протянул я.

– Вот именно.

– И дал деру от тебя и Этельстана. Прямо вот от вас двоих?

– Нет, конечно, – ответил Ода все тем же спокойным тоном. – Нас сопровождали две с лишним тысячи воинов.

Навоевавшись по горло, я хотел жить в Беббанбурге, слушать, как длинные волны разбиваются о берег и как ветер вздыхает над крышей дома. Я понимал, что мне остались считанные годы, но боги милостивы. Мой сын – взрослый мужчина и унаследует обширные владения, я до сих пор могу скакать на коне и охотиться, и у меня есть Бенедетта. Темперамент у нее как у перегревшейся на солнышке куницы, это верно, но она преданная и нежная и блеском своим озаряет хмурое беббанбургское небо, и я ее люблю.

– Две тысячи воинов, – ровным голосом повторил я. – И теперь ему понадобился я?

– Это верно, лорд. Ему нужна твоя помощь.

– Он что, сам вторжение организовать не может? – Во мне пробуждалась злость.

– Это не вторжение, – хладнокровно возразил Ода. – Просто официальный визит. Обмен любезностями между королями.

Дан мог называть это событие как угодно, оно все равно оставалось вторжением.

И я разозлился.

* * *

Я бесился, потому что Этельстан поклялся, что никогда не вторгнется в Нортумбрию, пока я жив. И вот он в Эофервике с армией, а я по его просьбе прячусь с восьмьюдесятью тремя воинами за гребнем холма к югу от Беббанбурга. Меня подмывало отказать Оде, посоветовать ему уплыть на своем чертовом корабле обратно в Эофервик и плюнуть Этельстану в лицо. Я чувствовал себя обманутым. Я обеспечил Этельстану трон, но буквально с самого дня битвы под Крепелгейтом он делал вид, что не замечает меня. Я этому только радовался. Я нортумбриец, живу вдали от владений Этельстана, и все, чего я хочу, – это чтобы меня оставили в покое. Но в глубине души я понимал, что покоя не будет. Во время моего появления на свет саксонская Британия разделялась на четыре страны: Уэссекс, Мерсию, Восточную Англию и мою родную Нортумбрию. Король Альфред, дед Этельстана, мечтал объединить их все в страну под названием Ингланд, и эта мечта близилась к воплощению. Этельстан правил Уэссексом, Мерсией и Восточной Англией, оставалась только Нортумбрия. Этельстан дал мне клятву, что не покусится на нее, пока я жив. И вот теперь он вошел во главе армии в мою страну и воззвал ко мне о помощи. В очередной раз. В глубине души я понимал, что Нортумбрия обречена –

либо Этельстан получит ее, либо Константин присоединит к своим землям. И пусть уж лучше это будут люди одного со мной языка, саксонского, который мы называем английским. Вот поэтому я и повел за собой из Беббанбурга восемьдесят три воина, чтобы устроить засаду на короля Гутфрита Нортумбрийского, бежавшего от вторжения Этельстана. Солнце стояло высоко и припекало, день выдался тихий.

Осви, прискакавший на взмыленной лошади, принес весть о приближении Гутфрита.

– Скоро, господин! – сообщил он.

– Сколько их?

– Сто четырнадцать. Часть – пленники.

– Пленники? – резко переспросил епископ Ода, настоявший на том, чтобы поехать с нами. – Нам нужен только один.

– Господин, с ними женщины, – продолжил доклад Осви. – Их гонят, как овец.

– Женщины пешие? – спросил я.

– Кое-кто из мужчин тоже. И куча лошадей хромает. Быстро гнали! – Разведчик принял от Рорика кожаную флягу, прополоскал элем рот, плюнул на траву и сделал большой глоток. – Похоже, всю ночь шли.

– Очень может быть, – пробормотал я, – раз так скоро сюда добрались.

– Теперь они измотаны, – с довольным видом заявил Осви.

Епископ Ода доставил мне вести из Эофервика, и его ко-

рабль проделал этот путь за два дня, вопреки неровному ветру, но те, кто приближался сейчас по длинному прямому тракту, покинули город верхом. По моим прикидкам, на путешествие из Эофервика в Беббанбург требовалась неделя, хотя не спорю, это из расчета неспешной езды с ночевками в усадьбах друзей. Однажды я одолел эту дорогу за четыре дня, но никогда в такую жару ранним летом. Люди сбегали из Эофервика и скакали быстро, но гребцы епископа Оды намного опередили их, и теперь усталые лошади несли беглецов к нашей засаде.

– Это не засада, – возразил епископ Ода, когда я употребил это слово. – Мы здесь только для того, чтобы убедить короля Гутфрита вернуться в Эофервик. Также король Этельстан требует твоего присутствия там.

– Моего? – буркнул я.

– Именно. И еще хочет, чтобы ты освободил пленника, которого удерживает Гутфрит.

– Пленников, – поправил я.

– Ну да, – пренебрежительно отозвался Ода. – Но Гутфрит обязан вернуться в Эофервик. Его просто нужно убедить, что король Этельстан пришел с миром.

– При этом захватив с собой две тысячи человек? Все в доспехах и при оружии?

– Король Этельстан предпочитает путешествовать с размахом, – высокомерно заявил епископ.

Этельстан мог описывать свой визит в Эофервик как угод-

но, но в городе не обошлось без столкновений, потому что, по правде говоря, это было завоевание – молниеносное вторжение. И при всей злости на Этельстана, мне оставалось лишь восхищаться его успехом. Ода рассказал, как король пересек с войском в две тысячи воинов границу Мерсии, затем стремительно повел армию на север, не потеряв по пути ни единого человека или лошади уставшими или больными. Саксы проскакали по дороге и добрались до Эофервика, когда их присутствие в Нортумбрии еще считалось неподтвержденным слухом. Южные ворота города открыли воины из Уэссекса, просочившиеся в Эофервик под видом купцов, и армия Этельстана наводнила улицы.

– На мосту произошло нечто вроде боя, – рассказал мне Ода, – но милостью Божьей язычники были разбиты, уцелевшие обратились в бегство.

Вел этих беглецов Гутфрит. Этельстан отправил епископа Оду с поручением, чтобы я перекрыл дороги на север и не дал Гутфриту уйти в Шотландию. Вот почему я торчал на склоне горы под палящим солнцем. Мой сын, Финан и я лежали, распростершись за гребнем, и глядели на юг, а епископ Ода присел на корточки позади нас.

– А зачем нам мешать Гутфриту удрать в Шотландию? – с недовольством уточнил я у него.

Ода вздохнул, словно удивляясь моей глупости.

– Затем, что это даст Константину повод вторгнуться в Нортумбрию, – объяснил епископ. – Он попросту провозгла-

сит, что восстанавливает законного короля на троне.

– Константин – христианин, – напомнил я. – Чего ради ему вступаться за монарха-язычника?

Ода снова вздохнул, не сводя глаз с теряющейся в мареве дороги.

– Король Константин собственных дочерей принесет в жертву Ваалу, лишь бы расширить границы своего государства.

– А кто такой Ваал? – поинтересовался Финан.

– Языческий бог, – высокомерно пояснил Ода. – И как думаешь, долго ли Константин станет терпеть Гутфрита? Он вернет его на трон, женит на своей дочери, потом тихонько придушит, и скотты приберут Нортумбрию к рукам. Вот почему Гутфрит не должен добираться до Шотландии.

– Идут! – воскликнул Финан.

Вдали на дороге появилась группа всадников. Я видел только расплывающиеся в мареве очертания людей и лошадей.

– Они и впрямь с ног валятся, – добавил Финан.

– Гутфрит нам нужен живым, – предупредил меня Ода. – И в Эофервике.

– Это ты уже говорил, – буркнул я. – Только я до сих пор не понимаю, чего ради.

– Потому что король Этельстан так велел, вот почему.

– Гутфрит – кусок тухлого дерьма, – настаивал я. – Убить его, и дело с концом.

– Король Этельстан требует, чтобы ты сохранил ему жизнь. Пожалуйста, сделай это.

– А я обязан подчиняться его приказам? Он ведь не мой король.

Ода строго посмотрел на меня:

– Этельстан – *Monarchus Totius Britanniae*. – Я недоуменно вытаращился на него, и ему пришлось перевести. – Он – монарх всей Британии.

– Вот как он себя теперь называет?

– И это соответствует правде, – отрезал епископ.

Я фыркнул. Королем саксов и англов Этельстан величал с себя с того самого момента, как был коронован, и у него имелись определенные на то основания, но правителем всей Британии?

– Полагаю, у короля Константина и короля Хивела могут найтись возражения, – процедил я.

– Наверняка, – спокойно согласился Ода. – Но так или иначе, король Этельстан желает, чтобы ты помешал Гутфриту достичь Шотландии и вызволил его пленника живым и здоровым.

– Пленников.

– Пленника.

– До женщин тебе дела нет? – поинтересовался я.

– Я молюсь за них, конечно. Но о мире молюсь еще больше.

– О мире? – сердито переспросил я. – Вторгнуться в Нор-

тумбрию означает принести мир?

Ода болезненно поморщился:

– Лорд Утред, Британия не устроена. Норманны угрожают, скотты тревожат набегами, и король Этельстан опасается, что грядет война. Он боится, что война эта окажется более ужасной, чем все известные нам дотопе. Он стремится избежать этой бойни и поэтому убедительно просит тебя освободить пленника и препроводить Гутфрита назад.

Я не улавливал, каким образом возвращение Гутфрита домой поспособствует сохранению мира, но помнил о пролетевшем над стенами Беббанбурга драконе, этом мрачном вестнике войны. Я посмотрел на Финана. Тот пожал плечами в знак, что понимает не больше моего, но нам все же стоит постараться исполнить просьбу Этельстана. Теперь приближающихся по равнине людей стало видно лучше, и я разглядел пленниц, плетущихся в хвосте колонны верховых.

– Что предпримем? – спросил Финан.

– Спустимся, – ответил я, отползая от гребня. – Вежливо улыбнемся и сообщим тупому ублюдку, что он наш пленник.

– Гость, – уточнил епископ Ода.

Рорик помог мне сесть в седло, Алдвин подал шлем с серебряным гребнем. Кожаная подбивка была неприятно горячей. Ремешок под подбородком я завязал, но нащечники оставил открытыми, а потом принял от Алдвина щит с волчьей головой.

– Копье пока не нужно, – бросил я слуге. – И, если завя-

жется драка, держись в сторонке.

– Не будет никакой драки, – сурово заявил епископ Ода.

– Это Гутфрит, – отозвался я. – Он дурак и сначала бьет, потом думает, но я сделаю все, что в моих силах, дабы сохранить этому парню с телячьими мозгами жизнь. Пошли!

Я повел своих на запад, держась на расстоянии от Гутфрита. Когда я видел его отряд в последний раз, тот находился примерно в половине мили от поворота дороги и двигался мучительно медленно. Мы, на более свежих конях, шли быстрее. Спустившись по склону, пробрались через сосновую рощицу, пересекли вброд ручей и выступили на дорогу. Там мы образовали линию в две шеренги глубиной, чтобы приближающиеся беглецы увидели перед собой два ряда всадников, на щитах и остриях копий которых играют солнечные блики. Мы ждали.

Мне не нравился Гутфрит, а я не нравился ему. Три года он пытался вытрясти из меня присягу на верность, и три года я ему отказывал. Дважды он посылал воинов на Беббанбург, и дважды я запирал Ворота Черепов, приглашая копейщиков Гутфрита пойти на приступ, и оба раза они отступали.

Теперь, под палящим солнцем, его копейщики снова попирали мою землю, но на этот раз их вел сам Гутфрит, причем доведенный до отчаяния. Он убежден, что у него украли королевство. Увидев моих людей и волчьи головы на их щитах, он не только возненавидит меня, но и сообразит, что воинов у него больше. Епископ Ода волен питать надежду,

что обойдется без боя, но загнанный в угол Гутфрит обернется хорьком в мешке, бешеным и злобным.

И у него есть заложники.

Не только женщины, хотя их тоже нужно спасти. Гутфрит, хитрый лис, прихватил архиепископа Хротверда, забрав его прямо из собора в Эофервике.

– Во время мессы! – с ужасом воскликнул Ода. – Во время мессы! Вооруженные люди в храме!

Я не знал, осмелится ли Гутфрит нанести вред архиепископу. Такой поступок настроил бы против него всех христианских правителей в Британии, хотя, возможно, Константин проглотит гнев до той поры, пока снова не усадит Гутфрита на нортумбрийский трон. Мертвый архиепископ – не слишком высокая цена за расширение Шотландии.

Показались беглецы. Передовые всадники выехали из-за поворота. Заметив нас, они остановились, и постепенно к ним подтягивались остальные воины.

– Нам следует приблизиться, – заявил Ода.

– Стоим на месте, – приказал я.

– Но...

– Резни хочешь? – рявкнул я.

– Но... – снова заикнулся епископ.

– Пойду я, – последовал мой резкий ответ.

– Ты?

– Причем один. – Я вернул Алдвину щит и слез с седла.

– Я с тобой, – вызвался Ода.

– Чтобы у него оказалось два попа в заложниках? В пару к архиепископу еще и епископ? Ему это понравится.

Ода смотрел на людей Гутфрита, которые медленно выстраивались в линию, более широкую, чем наша. По меньшей мере два десятка пешие – лошади их были слишком плохи, чтобы выдержать седоков. Все надели шлемы и прикрылись щитами с эмблемой Гутфрита в виде вепря с длинными клыками.

– Пригласи его прийти и поговорить со мной, – попросил Ода. – Пообещай, что его не тронут.

Не удостоив епископа ответом, я глянул на Финана.

– Я постараюсь встретиться с Гутфритом на полпути, – объяснил я. – Если он возьмет сопровождающих, вышли мне такое же число.

– Я пойду, – Финан ухмыльнулся.

– Нет. Ты останешься тут. Если возникнут проблемы, ты сообразишь, когда нужно вмешаться. И тогда действуй быстро.

Он понимающе кивнул. Мы с Финаном слишком долго воевали плечом к плечу, чтобы мне не требовалось подробно разъяснять свои планы.

Ирландец усмехнулся:

– Прилечу быстрее ветра.

– Лорд Утред... – начал было Ода.

– Я сделаю все, чтобы сохранить Гутфриту жизнь, – обрывал я его. – И заложникам тоже.

Я не был уверен, что мне это удастся, зато точно знал: стоит нам всем двинуться вперед прежде, чем мы окажемся на расстоянии оклика от людей Гутфрита, не миновать либо боя, либо приставленных к горлу заложников клинков. Гутфрит дурак, но дурак гордый, и я понимал, что он ответит отказом на требование освободить пленников и покорно вернуться в Эофервик. Король не согласится, потому что иначе потеряет лицо перед дружиной.

А воины эти были норманны – северяне, считающие себя самыми свирепыми бойцами в целом свете. Они превосходили нас числом и видели шанс пустить кровь и пограбить. Многие из них были молоды и хотели славы, хотели украсить руки золотом и серебром, мечтали, чтобы имена их произносили с ужасом. Жаждали убить меня, завладеть моими браслетами, оружием и землями.

И вот к ним-то я и направился в одиночку. Я проделал чуть больше половины пути, отделяющего моих людей от усталых воинов Гутфрита – те стояли на расстоянии далекого выстрела из лука. Потом выждал и, когда Гутфрит не сдвинулся с места, присел на поваленный римский мерный камень, стянул с головы шлем, поглядел на пасущихся на склоне овец, потом любовался полетом сокола, парящего в потоках слабого ветра. Птица описывала круги, так что послания богов тут искать не стоило.

Я отправился один, ибо хотел, чтобы и Гутфрит пришел один, от силы с двумя или тремя спутниками. Я не сомне-

вался, что король готов к бою, но понимает – люди его устали, а кони загнаны. Мой расчет строился на том, что даже такой дурак, как Гутфрит, наверняка ухватится за шанс избежать драки и добиться своего, не потеряв при этом десятков, а то и два своих воинов. Кроме того, имея заложников, он наверняка собирался воспользоваться ими, чтобы заставить меня с позором отступить.

А Гутфрит все не двигался. Похоже, был сбит с толку. Он видел, что я один и явно не представляю угрозы, однако нельзя стать королем, не обладая хоть толикой хитрости, и правитель Эофервика определенно чуял подвох. Я решил дать ему убедиться, что ловушки нет, поэтому поднялся, попинал немного наполовину вросшие в землю камни старинной дороги, пожал плечами и зашагал назад.

Это побудило короля к действию. Услышав цокот подков, я обернулся, надел шлем и стал ждать. Гутфрит взял с собой троих. Двое были воинами, один из них вел в поводу маленькую лошадку. На ней сидел архиепископ Хротверд, все еще облаченный в расшитое золотом одеяние, которое христианские священники носят в церкви. Выглядел он невредимым, но очень уставшим, его лицо покраснело от солнца, а седые волосы висели космами.

За спиной у меня тоже застучали копыта. Обернувшись, я увидел, что Финан выслал Берга и моего сына.

– Держитесь за мной, – предупредил я их.

Заметив, как Гутфрит и двое его сопровождающих обна-

жили мечи, мои спутники тоже вытащили длинные клинки из ножен. Берг расположился позади и правее от меня, напротив человека, державшего лошадь Хротверда. Сын был по левую от меня руку, лицом ко второму противнику.

– Что... – заговорил сын.

– Молчи! – оборвал его я.

Гутфрит осадил коня буквально в двух или трех шагах от меня. Одутловатое лицо короля, обрамленное сталью шлема, блестело от пота. Его брат, одноглазый Сигтригр, был красивым мужчиной, а Гутфрит пил слишком много эля и ел слишком много жирной пищи, отчего в седле сидел грузно. У него были маленькие, подозрительно бегающие глазки, широкий нос и длинная борода, заплетенная в свисающие на дорожку кольчугу косицы. Конь его щеголял в серебряной сбруе, гребень шлема украшало перо ворона, а меч он приставил к горлу Хротверда.

– Лорд архиепископ! – приветствовал я священника.

– Лорд Ут... – заговорил Хротверд, но осекся, когда лезвие меча надавило ему на горло.

– Обращайся сначала ко мне, – прорычал Гутфрит. – Я твой король.

Я посмотрел на него и нахмурился:

– А имя свое не напомним?

За спиной хмыкнул сын.

– Хочешь, чтобы этот поп сдох? – процедил Гутфрит. Под давлением меча Хротверд отклонился в седле. Его испуган-

ные глаза впились в меня поверх серой стали клинка.

– Да нет, в общем, – спокойно ответил я. – Он мне вполне даже нравится.

– Настолько, чтобы просить сохранить ему жизнь?

Я сделал вид, что взвешиваю эту мысль, потом кивнул:

– Да, готов. Отпусти его.

– За это придется заплатить. – Гутфрит ослабился.

Я подметил, какую неудобную позицию занимает Гутфрит: Хротверд располагался слева от него, а меч он держал в правой руке.

– Платить нужно за все. – Я шагнул влево, тем самым вынудив Гутфрита наполовину отвернуться от Хротверда. Меч задрожал. – Король Этельстан хочет всего лишь поговорить с тобой, – продолжил я. – И обещает сохранить тебе как жизнь, так и корону.

– Этельстан – дерьмо из поросычей задницы, – огрызнулся Гутфрит. – Ему нужна Нортумбрия.

Тут он был прав, по крайней мере касательно устремлений Этельстана.

– Этельстан держит слово, – возразил я. Хотя, по справедливости говоря, меня Этельстан предал, нарушив данную клятву. Тем не менее я стоял тут и делал то, что ему угодно.

– Он обещал не вторгаться в Нортумбрию, пока ты жив, – сказал Гутфрит. – Однако сейчас здесь!

– Ему понадобилось поговорить с тобой, ничего больше.

– Быть может, мне стоит убить тебя? Вдруг мелкому за-

сранцу это понравится?

– Ну, попробуйся. – Конь сына пошевелился у меня за спиной, копыто цокнуло о разбитый камень дороги.

Гутфрит подвел лошадь ближе ко мне и развернул меч в мою сторону.

– Лорд Утред, ты так и не принес мне присягу на верность, – напомнил он. – А я ведь твой король.

– Это верно, – согласился я.

– Тогда на колени, ярл Утред. – Слово «ярл» он произнес с издевкой. – И присягни мне.

– А если не стану?

– В этом случае тобой покормится Клык Вепря.

Как я смекнул, Клыком Вепря назывался меч, находившийся теперь поблизости от моего лица. Я видел зазубрины на отточенных кромках, ощущал щекой исходящий от нагретого металла жар, солнце играло на плавных разводах кованой стали.

– На колени! – взревел Гутфрит, дернув клинком.

Я поднял голову и заглянул в темные, полные ненависти глаза.

– В обмен на свою присягу я требую пощадить архиепископа, – заявил я. – И остальных заложников.

– Не можешь ты ничего требовать! – рявкнул он. – Ничего! – Гутфрит ткнул мечом, острие проскрежетало по моей кольчуге, потом уперлось в одно из звеньев, заставив меня податься на полшага назад. – Ты будешь моим вассалом, –

продолжил король. — И получишь только то, что я соизволю дать. А теперь на колени! — И он снова надавил на меч, еще сильнее.

Когда я покорно опустил на колени и понурил голову, у моего сына вырвался изумленный возглас. Гутфрит хмыкнул и поднес клинок к моему лицу.

— Целуй меч, — потребовал он. — И произноси слова.

— Государь... — униженно пробормотал я, потом смолк. Левая моя рука нащупала булыжник с кулак величиной.

— Громче! — рявкнул Гутфрит.

— Государь, — повторил я. — Клянусь Одним...

Тут я схватил камень и впечатал его скакуну в морду. Удар пришелся в уздечку, раздавив серебряный узор, но лошади, видно, тоже досталось, потому что она попятилась и заржала. Меч Гутфрита скрылся у меня из виду.

— Давай! — заорал я, хотя побуждать сына и Берга к действию не требовалось.

Гутфрит старался удержаться в седле на вздыбившемся коне. Я вскочил, проклиная боль в коленях, ухватил короля за руку с мечом. Сын был слева от меня и удерживал другого норманна на расстоянии под угрозой вогнать ему клинок в живот. Я потянул Гутфрита, дернул еще раз. Рывок жеребца отбросил меня вправо, но Гутфрит наконец повалился и рухнул на дорогу. Я вырвал у него из ладони меч, упал ему коленями на живот и приложил Клык Вепря к всклокоченной бороде.

– Только одну клятву ты от меня услышишь, слизь лягушачья, – пообещал я. – Клятву тебя убить.

Король дернулся, и мне пришлось сильнее прижать меч, чтобы его успокоить.

А за спиной у меня шел в атаку Финан. Копья моих воинов были опущены, острия сверкали под палящим солнцем. Люди Гутфрита пришли в себя не сразу, но теперь тоже двинулись вперед.

И я в который раз поймал себя на мысли, что не уверен, на правильной ли стороне дерусь.

Глава 2

Была ли это неправильная сторона?

К Гутфриту я симпатии не питал. Вечно пьяный грубиян и дурак за короткое пребывание на престоле Нортумбрии преуспел только в сокращении границ страны. Теперь, лежа на дороге, он мычал что-то, и я надавил на меч, заставляя его заткнуться.

Мой сын ранил своего противника в живот. Высвободив клинок, Утред развернул коня и рубанул врага по шее. Удар получился жестокий, быстрый и искусный. Дружинник покачнулся, его лошадь рванулась, и он с глухим стуком упал на траву близ дороги. Тело подрагивало, а кровавое пятно растекалось в пыли.

Гутфрит снова дернулся, и я сильнее надавил на меч, прижав ему бороду к шее.

– Ты гость на моей земле, – заявил я ему. – Так что изволь вести себя учтиво.

Берг освободил Хротверда. Державший лошадь архиепископа норманн бросил поводья и попытался развернуться и сбежать. То была смертельная ошибка, особенно при встрече с противником столь яростным и умелым, как Берг, тоже норманном. Теперь тот парень корчился на земле, а его коняга рысил рядом с Гутфритовым скакуном, морда у которого была в крови.

– Берг, ко мне! – рявкнул я. Гутфрит пытался заговорить и колотить меня рукой. – Еще раз дернешься, и я перережу тебе глотку! – пригрозил я. Он успокоился.

Финан, верный слову, мчался как ветер, за конями тянулся шлейф поднятой с сухой земли пыли. Наши лошади устали гораздо меньше вражеских, поэтому Финан добрался до меня раньше.

– Стой! – заорал я ирландцу, перекрывая грохот копыт. – Всем стоять! Стой!

Мне потребовалось встать и раскинуть руки, чтобы меня поняли. Гутфрит попытался повалить меня, так что пришлось врезать ему Клыком Вепря плашмя по шлему. Он ухватился за клинок, я дернул меч на себя и увидел как из ладони у короля потекла кровь.

– Дубина! – выругался я и еще раз приложил его клинком. – Гербрухт! Гербрухт, сюда!

Мои воины остановились, окутавшись клубами пыли. Гербрухт, здоровяк и силач из Фризии, подвел ко мне скакуна и соскользнул с седла.

– Что, господин?

– Держи его крепко, – распорядился. – Он, конечно, король, но, если будет брыкаться, врежь ублюдку как полагается.

Люди Гутфрита не сразу поняли, что происходит, однако в конце концов пошли вперед и теперь видели, как Гербрухт держит их короля, приставив ему к шее меч. Норманны оса-

дили коней.

Гутфрит не сопротивлялся, только плюнул в меня, отчего Гербрухт сильнее прижал меч.

– Гляди не убей, – с некоторым сожалением сказал я.

Я пленил короля. Короля, который пустил по ветру свою страну, притеснял народ и позволил врагам жестоко бесчинствовать в западных землях. Теперь в Эофервике находился король Этельстан: монарх справедливый, строгий. Но королем он стал только благодаря тому, что я бился за него под лунденскими воротами Крепелгейт. В былые времена я относился к Этельстану как к сыну. Я оберегал его от могущественных врагов, обучал мастерству воина и наблюдал за его взрослением. И он предал меня. Этельстан поклялся не вторгаться в Нортумбрию, пока я жив, но заявился сюда с войском.

Я нортумбриец. Моя страна – это продуваемый всеми ветрами берег, черные от дождей горы и голые скалы на севере. От обильных пажитей вокруг Эофервика до горных пастбищ, где люди стараются хоть что-то вырастить на тощей почве, от суровых вод, где рыбаки забрасывают сети, до унылых болот и густых лесов, где мы охотимся на оленя, – все это земля, завоеванная моими предками. Они обустроили ее, возвели надежные усадьбы и крепости, а потом защищали их. Мы – это саксы и даны, норманны и англы. Мы все нортумбрийцы.

Вот только у маленькой страны на большом острове век

короткий. Мне ли не знать. К северу от нас располагалось государство Константина – Альба, известная у нас как Шотландия. И Константин боялся живущих к югу от нас саксов. Саксы и скотты – народы христианские и говорят, что их бог – любовь. Они учат любить друг друга и подставлять вторую щеку, если тебя ударили, однако, когда на кону земля, все эти догматы улетучиваются и в ход идут мечи. Константин правил Альбой, Этельстан – Уэссексом, Мерсией и Восточной Англией, и оба хотели заполучить Нортумбрию. «Нортумбрия говорит на нашем языке, – заявил мне однажды Этельстан. – На языке нашего народа. И она должна стать частью нашей страны, страны, говорящей на английском!»

Это была мечта короля Альфреда. В ту пору, когда даны захватили почти всю Британию, а Альфред прятался в болотах Суморсэты, мечта казалась несбыточной. Однако мы сражались и победили. Теперь его внук владеет всем Ингландом за исключением моей страны, Нортумбрии.

– Сражайся за меня, – раздался голос.

Я повернулся и обнаружил, что это говорил Гутфрит.

– Тебе следовало драться в Эофервике, – возразил я. – А ты сбежал.

Он ненавидел меня, и по лицу его было ясно, каких усилий ему стоит говорить спокойно.

– Нортумбриец, ты ведь язычник. Неужели ты желаешь победы христианам?

– Нет.

– Тогда воюй на моей стороне! Мои люди, твои люди, и Эгил Скаллагримрсон приведет своих!

– И у саксов все равно будет шесть человек против одного нашего, – отрезал я.

– А если мы укроемся за стенами Беббанбурга? – В голосе Гутфрита прозвучала мольба. – Что тогда? Константин нам поможет!

– Чтобы забрать потом твое королевство.

– Он пообещал этого не делать! – выпалил Гутфрит.

– Пообещал? – переспросил я, сделав паузу.

Но Гутфрит умолк. Под действием отчаяния он явно сказал больше, чем намеревался, и теперь жалел об этом. Выходит, Константин засылал послов в Эофервик? И Гутфрит принимал их? Мне хотелось достать Осиное Жало, мой короткий меч, и вогнать его в брюхо мерзавцу, но рядом стоял архиепископ Хротверд, да и епископ Ода уже спешился и подошел к пленнику:

– Государь! – Ода поклонился Гутфриту. – Я послан с братским приветом от короля Этельстана. – Епископ глянул на Гербрухта. – Отпусти же его, приятель. Отпусти!

Гутфрит таращился на Оду, словно не веря своим глазам, а мой воин посмотрел на меня, ища подтверждения. Я неохотно кивнул.

– Государь, лорд Утред вернет твой меч, – утешительным тоном произнес Ода, как если бы обращался к ребенку. – Лорд Утред, пожалуйста!

Это было безумием. Удерживать Гутфрита в заложниках – единственный шанс избежать побоища. Его люди по-прежнему сжимали обнаженные мечи, держали копья опущенными и превосходили нас числом.

Гутфрит протянул руку, ладонь которой продолжала кро-
воточить.

– Дай сюда, – потребовал он, но я не шевельнулся.

– Лорд, верни ему меч, – настаивал Ода.

– Хочешь, чтобы он пустил его в ход? – сердито спросил я.

– Насилия не будет. – Ода адресовал эти слова Гутфриту, и тот, помедлив, коротко кивнул. Потом епископ очень официально обратился ко мне: – Прошу тебя, лорд Утред, верни королю меч.

Я колебался.

– Лорд, пожалуйста, – сказал Ода.

– Стой смирно, – бросил я Гутфриту.

Не обращая внимания на протянутую окровавленную руку, я встал рядом с пленником. Я был выше на голову, что его раздражало, и он дернулся, когда я взялся за его отделанные золотом ножны. Гутфрит решил, видно, что я вознамерился их украсть, но вместо этого я вогнал в их подбитый овчиной зев Клык Вепря, потом отступил и обнажил Вздох Змея. Гутфрит положил ладонь на эфес, но я шевельнул клинком, и он замер.

– Государь, король Этельстан ищет встречи с тобой, – все так же спокойно продолжил Ода, – и обещает сохранить тебе

и жизнь, и королевство.

– Константин, без сомнения, предлагал то же самое, – вставил я.

Ода и бровью не повел.

– Государь, нам многое нужно обсудить.

– Вот! – рявкнул Гутфрит, указав сначала на меня, потом на моих воинов. – Давай обсудим это!

– Недоразумение, не более того, – возразил Ода. – При-
скорбное недоразумение.

Архиепископ Хротверд все это время испуганно молчал, но тут энергично закивал:

– Государь, слову короля Этельстана можно доверять.

– Прошу, лорд Утрэд! – Ода посмотрел на меня. – Нет
нужды обнажать меч. Мы встретились как друзья!

И тут закричала женщина.

Я заложников не видел, их заслоняли люди Гутфрита, но Финан, должно быть, что-то разглядел, потому как по-
гнал вперед скакуна, выкрикивая воинам Гутфрита приказ
расступиться. Однако какой-то зеленый юнец поднял копье
и повел коня навстречу моему старому другу. Похититель
Душ, меч Финана, отбил копье и метнулся к груди против-
ника. Он пробил кольчугу, но вроде как просто скользнул по
ребру. Молодой наездник покачнулся в седле, обездвижен-
ная рука выронила древко. Финан промчался мимо, с ходу
рубанув его по шее. Норманны взревели и стали разворачи-
вать коней в погоню за Финаном, что подтолкнуло моих лю-

дей броситься на выручку ирландцу. Все это произошло в мгновение ока. Только что обе стороны хранили относительное спокойствие, пусть и враждебное, затем раздался крик, и вот уже повсюду топот копыт, блеск стали и яростные кличи.

Гутфрит оказался проворнее, чем я ожидал. Он сильно толкнул Оду, отчего епископ пошатнулся и упал на Хротверда, а пленник тем временем рванул к своим, требуя коня. Он был грузным, рыхлым и уставшим, и мне не составило труда догнать его. Одним ударом под колено я уложил короля на дорогу. Гутфрит замахнулся в мою сторону, как раз когда один из его дружинников двинулся к нам. Всадник опустил копьё и пригнулся в седле. Гутфрит швырнул в меня камень, но в результате неловкого броска только отбил в сторону древко копья своего воина. Оно ударило меня по руке с такой силой, что я едва не выронил Вздох Змея. Гутфрит пытался вытащить меч, но тут подскочил Гербрухт и пнул по ножнам так, что эфес вырвался у короля из ладони. Всадник развернулся. Пегого жеребца покрывала пена, копыта стучали по камням и грунту, дружинник отчаянно сжимал поводья. Из-под серого шлема видны были широко распахнутые глаза и открытый рот. Юнец орал, только я ничего не слышал. Он отчаянно ударил коня шпорами, но тот, вместо того чтобы ускориться, поднялся передо мной на дыбы. Молодой воин пытался переложить копьё из одной руки в другую, но теперь пришлось выпустить оружие и ухватиться за луку седла. Я воткнул Вздох Змея ему в бедро, распоров кольчугу,

ткань и плоть от колена до паха, и он упал. Клинок высвободился, только когда лошадь сорвалась с места и помчалась по дороге туда, где мои люди рассекли войско Гутфрита, как «свиное рыло» рассекает «стену щитов».

– Прекратите! – завывал Ода. – Остановитесь!

Гербрухт схватил Гутфрита и поставил на ноги. Король ухитрился как-то подобрать выпавший меч, но я отвел в сторону его руку и приставил окровавленное лезвие Вздоха Змея к шее.

– Хватит! – гаркнул я всадникам так, что чуть не надорвал горло. – Хватит!

Гутфрит попытался ткнуть меня клинком в ногу, но я только плотнее прижал свое оружие к его кадыку. Он взвизгнул, а я провел острой кромкой Вздоха Змея по его шее, оставив царапину в палец шириной.

– Бросай меч, ублюдок! – проревел я.

Он подчинился.

– Ты меня душишь, – прохрипел король.

– Хорошо. – Я слегка ослабил нажим.

На нас скакал всадник с вепрем Гутфрита на щите. Он опустил копье, наставив его на меня, но потом разглядел Гутфрита, разглядел мой меч и осадил коня всего в нескольких шагах от нас. Копье он продолжал нацеливать на меня, его взгляд перебегал с испуганного лица Гутфрита на мое и обратно. Воин прикидывал, успеет ли проткнуть мне плечо прежде, чем я перережу королю глотку.

– Парень, не валяй дурака, – предупредил я, но это, похоже, только подтолкнуло его.

Он уставился на меня, немного поднял копье. Я слышал дыхание его коня, видел белки глаз животного. И тут вдруг всадник выгнулся, откинул голову, и показалось острие второго копья. Оно вонзилось воину в спину, перебив позвоночник, потом прошло через кишки и вздулось здоровенным бугром под кольчугой, прежде чем прорвало звенья и впилося в луку седла. Берг, нанеся удар, отпустил копье, парень заскулил и ухватился за древко, прищипившее его к седлу. Выхватив меч, Берг развернулся, готовый отразить нападение следующих всадников, но бой уже затихал. Берг посмотрел на меня:

– Господин, не хотят ублюдки драться! – Он подвел коня к умирающему юнцу, резким ударом меча перерубил древко, и освободившийся всадник упал.

Драться-то ублюдки хотели, но не сильно. Они вымотались, а натиск Финана получился таким быстрым и яростным, что большинство воинов попытались избежать боя, и лишь немногие волей или неволей приняли участие в нем. Финан уже возвращался, кольчуга его была залита кровью.

– Вон с коней! Сложить оружие! – кричал он людям Гутфрита. Потом повернулся в седле, пригрозив дураку, не спешившему подчиниться. – Наземь, дерьмо вонючее! Бросай меч!

Меч упал. Противник частенько теряет боевой дух, когда

видит желание Финана пустить кровь.

Я отпихнул ногой меч Гутфрита и освободил короля.

– Ну, теперь можешь поговорить с венценосным ублюдком, – сказал я Оде.

Тот помедлил, потому что Финан гнал коня к нам. Ирландец кивнул мне:

– Молодому Иммару рассекли плечо, но в остальном... Мы не пострадали, господин. Чего не скажешь про этого ублюдка. – Он бросил что-то Гутфриту. – Один из твоих зверюг, лорд король. – Финан ослабился. Я увидел, что швырнул он отрубленную голову, которая покатилась по земле и остановилась у ног Гутфрита. – Хотел забрать младенца забавы ради, – пояснил мне Финан. – Но теперь женщины и мелкота в безопасности. Под охраной твоего сына.

– И ты, лорд король, тоже в безопасности, – заверил Ода, отвешивая Гутфриту поклон. Он говорил как ни в чем не бывало, словно не лежала на камнях отрубленная голова и парень не корчился с обрубком копья в животе. – Король ждет встречи с тобой! – прошептал епископ. – Ждет не дождется!

Гутфрит ничего не ответил. Его трясло, вот только от страха или от злости, утверждать не берусь. Я подобрал его меч и сунул Гербрухту.

– Ему он некоторое время не понадобится, – сказал я, отчего Гутфрит насупился.

– Лорд король, нам следует вернуться в Эофервик, – гнул свое Ода.

– Хвала Господу, – пробормотал Хротверд.

– У нас есть корабль, – бодро продолжил Ода. – Мы будем в Эофрвике через два, от силы три дня.

– В Йорвике, – промычал Гутфрит, называя Эофервик его датским именем.

– Вот-вот, в Йорвике.

Среди побежденных я заметил пожилого, седобородого, одноглазого, с ногой, покалеченной саксонским копьем, Болдара Гуннарсона. Он был одним из самых доверенных людей Сигтригра, воин опытный и с головой, и меня удивила присяга, принесенная им Гутфриту.

– Господин, а какой у меня был выбор? – спросил он, когда я его вызвал. – Я стар, семья моя живет в Йорвике. И что мне было делать?

– Но служить Гутфриту?!

– Он не чета брату, – согласился Болдар, пожав плечами. Братом Гутфрита был Сигтригр, мой зять, человек, которого я любил и которому доверял.

– Ты мог бы перейти ко мне после смерти Сигтригра.

– Я подумывал об этом, господин. Но Йорвик – мой дом.

– Так возвращайся, – сказал я. – И заberi с собой людей Гутфрита.

Он кивнул:

– Хорошо.

– И еще, Болдар, чтоб без глупостей! – предупредил я его. – Селян не трогать! Хоть краем уха услышу про грабеж

и насилие, отыграюсь таким же образом на твоей семье.

Тут Болдар помрачнел, но снова кивнул:

– Не будет глупостей. – Он помолчал. – Господин, а как быть с ранеными и убитыми?

– Своих мертвых закопайте или оставьте воронам, мне все равно. А раненых увезите с собой.

– Куда это увозите? – возмутился Гутфрит. Вспомнив про свой королевский титул, он приосанился и, оттеснив меня, встал перед Болдаром. – Куда?

– Домой! – отрезал я сердито и, в свою очередь, толкнул его. – Болдар отведет твоих людей домой, при этом тихо и мирно.

– Мои люди останутся при мне! – упирался Гутфрит.

– Тебя повезут на корабле, срань ты несчастная. – Я подошел ближе, заставив его податься назад. – И места на борту мало. Тебе можно взять четырех человек. Четырех, не больше!

– Ну, наверняка... – начал было Ода, но я оборвал его:

– Он возьмет четверых!

Он взял четверых.

Мы вернулись в Беббанбург с Гутфритом, четырьмя его воинами и архиепископом Хротвердом, ехавшим рядом с Одой. Мой сын будет провожать женщин на юг до поры, пока Болдар и его люди не уйдут домой. Корабль, доставивший Оду в Беббанбург, должен был теперь отправить его, архиепископа и короля-пленника на юг, в Эофервик.

– Король Этельстан желает тебя видеть, – напомнил мне Ода перед отплытием.

– Ему известно, где я живу.

– Он бы хотел, чтобы ты прибыл в Эофервик.

– Я останусь здесь, – буркнул я.

– Он повелевает, – негромко промолвил Ода и, когда я не ответил, а молчание чересчур затянулось, пожал плечами. – Как знаешь, лорд.

На следующий день мы наблюдали, как корабль Оды выходит на веслах из гавани. Дувший с северо-востока пронзительный ветер наполнил парус. Я смотрел, как втягивали внутрь весла, а белый след разбежался за кормой, когда судно шло мимо островов Фарнеа. Я глядел ему вслед, пока он не растворился на юге в пелене дождевого шквала.

– Значит, мы не идем в Эофервик? – уточнил Финан.

– Мы остаемся здесь, – твердо заявил я.

Этельстан, которого я с малых лет опекал и которому помог взойти на трон, теперь величал себя *Monarchus Totius Britanniae*, вот пусть сам и разбирается со своей Британией.

А я остаюсь в Беббанбурге.

* * *

Два дня спустя я сидел с Финаном и Бенедеттой на утреннем солнышке. Недавние жаркие деньки уступили место холодной не по сезону погоде. Убрав под капюшон несколько

непослушных прядей, Бенедетта поежилась:

– Это что, лето?

– Лучше, чем в последние два дня, – отозвался Финан.

Ледяной северо-восточный ветер, наполнивший парус идущего на юг корабля Оды, принес с собой надоедливый дождь, и я переживал за судьбу урожая. Но дождь кончился, робко выглянуло солнце, и я даже надеялся на возвращение тепла.

– Ода теперь должен быть уже в Эофервике, – пробормотал я.

– И долго нам ждать, прежде чем Этельстан пришлет тебе приглашение? – поинтересовался Финан.

– Возможно, гонец уже в пути.

– И ты поедешь? – поинтересовалась Бенедетта.

– Если он попросит вежливо? Может, и поеду.

– А может, и нет, – добавил Финан.

Мы смотрели, как молодые воины упражняются во владении мечом. Обучал их Берг.

– От Рорика нет проку, – проворчал я.

– Он старается.

– И на Иммара только глянь! Да он и с улиткой не сладит!

– У него рука еще не зажила.

– А Алдвин? Как сено косит.

– Он ведь еще мальчишка совсем. Научится.

Наклонившись, я погладил одного из моих волкодавов по жесткой шерсти.

– И еще Рорик толстеть стал.

– Он обхаживает одну скотницу, – сказал Финан. – Пухленькую такую. Подозреваю, она ему масло таскает.

– Подозреваешь? – буркнул я.

– И сливки, – продолжил ирландец. – Надо мне за ней приглядеть.

– И задать ей порку, если ворует.

– Ему тоже?

– Ясное дело. – Я зевнул. – Кто вчера выиграл соревнование по еде?

– А ты как думаешь? – Финан ухмыльнулся.

– Гербрухт?

– Жрал как вол.

– Но парень он хороший.

– Это точно, – согласился Финан. – Победа в соревновании по пердежу тоже за ним.

– Уфф! – Бенедетта скривилась.

– Это их развлекает, – заметил я.

Из главного дома доносились взрывы хохота. Я думал о том, что привело Этельстана в Эофервик. Думал о том, сколько еще пройдет месяцев, прежде чем все это навсегда перестанет меня волновать.

– Их легко развлечь, – сказал Финан.

– Вон там корабль. – Я кивнул на север.

– Заметил его минут десять назад, – отозвался ирландец. Он был зоркий как сокол. – И это не купеческое судно.

Ирландец оказался прав. Приближающийся корабль был длинным, низким и узким – корабль для войны, не для торговли. Корпус у него был темный, а парус почти черный.

– Это «Трианайд», – опознал я. Название означало «Троица».

– Ты его знаешь? – В голосе Финана прорезалось удивление.

– Шотландский корабль. Мы видели его в Дамноке несколько лет назад.

– Зло грядет с севера, – процедила Бенедетта. – Звезда и дракон! Они не лгут!

– Это всего лишь один корабль, – попытался я успокоить ее.

– И он направляется сюда, – добавил Финан.

Идущий под парусом корабль находился близ Линдисфарены и разворачивал украшенный крестом штевень в направлении канала, ведущего в гавань Беббанбурга.

– Если этот тупой ублюдок не поостережется, сидеть ему на мели.

Но кормчий «Трианайда» знал свое дело. Корабль обогнул песчаные банки, спустил парус и на веслах вошел в канал, где мы потеряли его из виду. Я ждал, когда дозорные на северных укреплениях принесут мне весть. Одиноким корабль опасности не представлял. «Трианайд» мог нести человек шестьдесят-семьдесят, но мой сын все равно поднял отдыхающих воинов и отправил на стены. Берг прервал тре-

нировку и послал людей загнать в крепость большую часть беббанбургских лошадей – те паслись на окраине деревни. Кое-кто из поселян, опасаясь, что появление темного корабля предвещает стремительный свирепый набег, уже гнал свою живность к Воротам Черепов.

С новостями пришел Видарр Лейфсон.

– Скотты, господин, – доложил он. – Окликнули нас. Причалили в гавани и ждут.

– Чего ждут?

– Заявили, что хотят переговорить с тобой.

– Штандарт несут?

– Красная рука, сжимающая крест.

– Домналл! – в удивлении воскликнул я.

– Давненько не видели мы этого ублюдка, – пробормотал Финан. Домналл был одним из полководцев Константина, внушающим страх воином. – Впустим его?

– Его и еще шестерых, – распорядился я. – Шестерых, и не больше. Примем его в главном доме.

Прошло с полчаса или больше, прежде чем Домналл поднялся в главный зал Беббанбурга. Все его люди, кроме составившей ему компанию шестерки, остались на корабле. Очевидно, им было строго-настрого запрещено досаждать мне, потому что никто даже не попытался сойти на берег, а сам Домналл добровольно сдал меч в дверях и приказал своим людям сделать то же самое.

– Лорд Утред, мне ведомо, что ты меня опасаясь, – про-

рокотал Домналл, едва мой слуга принял мечи. – Но мы явились с миром!

– Когда скотты толкуют про мир, лорд Домналл, я покрепче запираю своих дочерей, – был мой ответ.

Он помолчал, коротко кивнул, а когда заговорил снова, в голосе его слышалось сочувствие.

– Лорд, помню, у тебя была дочь. Мои соболезнования. Она была храбрая женщина.

– Да, – сказал я. Моя дочь погибла, обороняя Эофервик от норманнов. – А как твои дочери? Здоровы?

– Здоровы, – ответил он, пройдя к огню, который мы разожгли в большом центральном очаге. – Все четыре замужем и рожают детишек, как плодовые свиноматки. Добрый Господь на небе! – Шотландец протянул руки к пламени. – Ну и холодный денек выдался!

– Это верно.

– Король Константин шлет тебе привет, – ровным голосом промолвил он, потом воскликнул с воодушевлением: – Это эль у вас тут?

– Когда ты пробовал его в прошлый раз, то сказал, что он на вкус как лошадиная моча.

– Может, и сейчас так покажется, но что делать страдающему от жажды? – Домналл обратил внимание на сидящую рядом со мной Бенедетту и поклонился ей. – Госпожа, мои соболезнования.

– Соболезнования? – переспросила она.

– С тем, что тебе приходится жить со мной, – пояснил я и указал Домналлу на другую сторону стола, на скамьи, способные вместить всех моих людей.

Домналл обвел зал взглядом. Высокая крыша держалась на мощных балках и стропилах, понизу мы обложили стены камнем, а устланный тростниковой подстилкой пол сбили из широких сосновых досок. На обустройство крепости я потратил целое состояние, и этого нельзя было не заметить.

– Славное местечко, лорд Утред, – похвалил Домналл. – Жалко будет его лишиться.

– Я уж постараюсь, чтобы этого не произошло.

Шотландец хмыкнул, потом перекинул могучие ножищи через скамью. Он был настоящим великаном, одним из тех, с кем я предпочел бы не встречаться в бою. Мне он нравился. Его спутники, за исключением бледного попа, выглядели тоже внушительно – их явно отобрали с целью устрашить нас своей наружностью. А их предводитель, усевшийся справа от Домналла, был еще одним великаном. По виду ему было лет сорок, смуглое, покрытое морщинами и шрамами лицо, и на фоне густого загара длинные волосы казались неестественно белыми. На меня верзила смотрел с неприкрытой враждебностью. Но самым странным в его обличье были два амулета поверх отполированной кольчуги. Одним был серебряный крест, а другим – серебряный молот. Символ христианства и символ язычества.

Домналл придвинул к себе кувшин с элем, потом кивнул

священнику на место слева от него.

– Отец, ты не беспокойся, – сказал он попу. – Лорд Утред, может, и безбожник, но не такой плохой парень. – Потом он обратился ко мне. – Отец Колуим – доверенное лицо короля Константина.

– Что ж, добро пожаловать, отче, – поприветствовал я.

– Мир дому сему, – произнес Колуим звучным голосом, выдававшим куда больше уверенности, нежели можно было ожидать, судя по робкой наружности попа.

– Высокие стены, сильный гарнизон и добрые люди обеспечивают в нем мир, – проговорил я.

– И надежные союзники, – добавил Домналл, снова потянувшись за кувшином.

– И надежные союзники, – эхом повторил я. За спиной у скоттов упало полено, разбрызгивая искры.

Домналл плеснул себе эля.

– Лорд Утред, вот только в этот раз, – продолжил он, – союзников у тебя нет. – Говорил он тихо и вновь в его тоне прорезались нотки сочувствия.

– Разве? – переспросил я. Больше слов у меня не нашлось.

– Ну а кто тебе друг? Король Константин очень тебя уважает, но он не союзник для Нортумбрии.

– Верно.

Домналл наклонился ближе, пристально посмотрел мне в глаза и проговорил так тихо, что люди в конце скамей напрягли слух:

– Мерсия в прошлом твой лучший друг. Вот только она мертва.

Я кивнул. Пока Мерсией правила Этельфлэд, дочь Альфреда, она действительно была мне союзником. И любовницей.

– Хивел из Диведа восхищается тобой, но Уэльс далеко отсюда, – безжалостно продолжал Домналл. – И с какой стати Хивелу идти тебе на помощь?

– Не знаю причины, зачем ему это нужно, – согласился я.

– Да и с чего любому другому валлийскому королю пособлять тебе? – Шотландец помедлил, ожидая ответа, но я хранил молчание. И Домналл продолжил: – Что до норманнов Нортумбрии, то они тебя на дух не переносят. – Речь шла про обитателей диких западных земель Нортумбрии, расположенных за горами. – Ты слишком часто бил их.

– Не достаточно часто, – буркнул я.

– Они плодятся, как мыши. Убей одного, ему на смену придет дюжина. И твой собственный король Гутфрит тебя недолюбливает. Он и пальцем не пошевелит, чтобы помочь тебе.

– Он меня ненавидит, – подтвердил я. – С того самого мига, как два дня назад я приставил ему меч к горлу. – Домналл, который не слышал еще про побег Гутфрита из Эофервика, явно удивился. Я невозмутимо продолжил: – Насколько понимаю, он направлялся к вам.

– И ты его остановил? – осторожно осведомился Домналл.

Я решил не раскрывать, что мне известно о встрече шотландских послов с Гутфритом, поэтому просто пожал плечами:

– Его люди изнасиловали нескольких женщин в моих деревнях. Мне это не понравилось.

– Ты убил его?

– Я предоставил ему выбор: сразиться со мной или пойти домой. Он пошел домой.

– Значит, Гутфрит тебе не союзник. – Домналл заинтересовался историей, но понимал, что больше из меня ничего не выжмет. – Так кто же твой союзник? Этельстан?

Я дал ему ответ, которого он не ожидал.

– Овейн из Страт-Клоты – враг твоего короля, – напомнил я. – А стало быть, как мне кажется, рад будет обрести союзника. Впрочем, он в нем не особенно нуждается. Сколько вы уже пытаетесь одолеть его?

Тут пришел черед Домналла меня удивить. Он повернулся к человеку, сидящему справа от него: тому самому мрачному воину с длинными белыми волосами с крестом и молотом на груди.

– Это Дифнвал, – представил шотландец по-прежнему вкрадчивым тоном. – Брат Овейна.

Мне не удалось скрыть удивление, и на суровом лице Дифнвала появилось насмешливое выражение.

– Дифнвал... – Я не без труда выговорил это имя. Оно было валлийским, потому как Страт-Клота входила в число

валлийских королевств. Его основали бритты, оттесненные на север вторжением саксов. Большинство бриттов ушли, понятное дело, в Уэльс, но часть нашла прибежище на западном побережье Альбы, где их маленькую державу усиливали норманны, ищущие земель.

– Овейн из Страт-Клоты заключил с нами мир. У нас теперь союз, – пояснил Домналл. – Так что у короля Константина нет врагов к северу от Беббанбурга. Овейн с нами, как и Гиблеахан с Островов. А вот кто твой союзник, лорд Утред?
– Эгил Скаллаgrimсон.

Жалкий ответ, и я понимал это. Эгил мой друг, норманн, великий воин, но у него было мало людей, едва на две корабельные команды. Я пожаловал ему земли к северу от Беббанбурга, что тянутся вдоль южного берега Туэда – реки, образующей границу между Нортумбрией и Альбой короля Константина.

– Сколько у Эгила воинов? Сотня? – высказал предположение Домналл, почти соболезнуя мне. – Ну, полторы. Все они отборные бойцы, но Эгил – не тот союзник, что способен внушить страх целому народу.

– Осмелюсь предположить, что по пути сюда ты старался держаться подальше от его берегов?

– Это так, – признал Домналл. – Мы взяли сильно дальше. Не стоит ворошить осиное гнездо без нужды.

– А с кем ты сравнишь меня? С навозным жуком?
Домналл улыбнулся.

– Ты – могучий воин без сильных союзников, – сказал он. – Или ты думаешь, что Этельстан – твой друг? – Шотландец помолчал, как бы взвешивая следующие свои слова, прежде чем произнести их. – Друг, нарушающий клятвы.

А эта встреча, подумалось мне, ничем не отличается от переговоров Гутфрита с послами Константина. Узнав о них, я рассердился, однако вот я сам сижу и принимаю Домналла в своей крепости. Этельстан непременно услышит об этой беседе: в Беббанбурге есть его люди. Так или иначе, его шпионы при дворе Константина позаботятся сообщить весть. Выходит, он должен услышать то, что выгодно мне.

– Король Этельстан не нарушал никаких клятв, – заявил я твердо.

– Неужели? – вкрадчиво спросил Домналл.

– Нет, – отрезал я.

Домналл откинулся и сделал большой глоток эля. Потом он утер рот и бороду рукавом и кивнул маленькому священнику, сидевшему рядом:

– Отец Колуим?

– Немногим более месяца назад, – начал поп своим на удивление звучным голосом, – на праздник святой Кристины, девы и мученицы... – он сделал паузу, чтобы осенить себя крестом, – в большом соборе Винтанкестера архиепископ Контварабургский произносил перед королем Этельстаном проповедь. И в проповеди этой архиепископ утверждал, весьма убедительно, что клятва, данная язычнику, не

является обязательной для христианина. На самом деле он даже заявил, что христианское благочестие обязывает нарушать такие клятвы.

Я помедлил с удар сердца, потом сказал:

– Король Этельстан не в ответе за блевотину, которую изрыгают попы.

Грубость моя не задела отца Колуима.

– В тот же самый день, – невозмутимо продолжил он, – король наградил архиепископа, передав ему на хранение копье Карла Великого, полученное в дар от Гуго, правителя франков.

Я ощутил холодок внутри. В Винтанкестере были те, кто снабжал меня новостями, но никто не упомянул про ту проповедь. Впрочем, клятвы, которыми мы с Этельстаном обменялись, должны были оставаться в тайне.

– Это то самое копье, – заговорил поп снова, – коим римский воин пронзил ребро Господа нашего. – Колуим перекрестился. – И на следующий день, день памяти святого апостола Иакова, – еще одна пауза и еще одно крестное знамение, – архиепископ произнес проповедь на книгу Второзакония, порицая языческие капища и побуждая короля исполнить священный долг христианина и искоренить их среди своей страны и народа.

– Порицая, – повторил я непривычное слово.

– В награду же, – тут Колуим посмотрел прямо мне в глаза, – король пожаловал архиепископу на хранение меч Карла

Великого, в эфес которого вделана частица истинного Креста.

Воцарилась тишина, нарушаемая только потрескиванием пламени, дыханием ветра и плеском волн, разбивающихся о берег.

– Странно это все, не правда ли? – нарушил молчание Домналл. Взгляд он устремил наверх, к стропилам. – Король Этельстан так и не женился?

– Убежден, что он еще женится, – сказал я, хотя вовсе не был уверен в этом.

– И он заплетает волосы в косицы, – продолжил Домналл, улыбнувшись мне, – перевязанные золотыми лентами.

– Так носят, – бросил я пренебрежительно.

– Странновато для короля, тебе не кажется?

– Для короля-воина, – возразил я. – Мне доводилось видеть его в бою.

Домналл кивнул, как бы соглашаясь, что предпочтения Этельстана по части украшений не имеют особого значения. Шотландец отрезал себе сыра, но есть не стал.

– Ты ведь был его учителем, да?

– Опекуном.

– Король-воин, – осторожно начал он, – не нуждается в опекуне и в учителе тоже. Ему нужны просто... – Домналл помедлил, подбирая слово. – Советники?

– Короли не испытывают недостатка в советах.

– Вот только обычно они хотят слышать те советы, что

подтверждают их мнение. Советник, противоречащий монарху, недолго остается на своем посту. – Он улыбнулся. – Хороший сыр!

– Козий.

– Если можешь поделиться, лорд, мой король будет рад подарку. Он обожает сыр.

– Я распоряжусь на этот счет.

– Ты очень щедр. – Домналл снова улыбнулся. – И похоже, что твой король-воин предпочитает советников, которые согласны с ним.

– У него есть Вулфхельм, – презрительно бросил я. Вулфхельм был новым архиепископом Контварабургским и имел репутацию яростного проповедника. Встречаться с ним мне покуда не доводилось.

– Я уверен, король Этельстан прислушивается к своим священникам. Он ведь славится набожностью, разве не так?

– Как и его дед.

– Вот только король Альфред не держал при себе норманна в качестве главного советника. – Домналл замялся. – Или мне стоит назвать близким другом?

– Ты думаешь?

– Они вместе охотятся, преклоняют колена в церкви, едят за одним столом.

– Ты имеешь в виду Ингильмундра?

– Знаком с ним?

– Немного.

– Красивый молодой человек, как я наслышан?

– Молодой, да, – отозвался я.

– Есть у короля Этельстана и другие... – шотландец снова помедлил, – советники. Когда Ингильмундр в отсутствии, Элдред из Мэрлебеорга всегда даст совет.

Я промолчал. Мне доводилось слышать про Элдреда, молодого воина, снискавшего славу в войне против южных валлийских королевств.

– Но Ингильмундр, похоже, главный среди... – Домналл снова сделал короткую паузу. – Среди советников. Тебе известно, что король пожаловал ему обширные земельные владения в Вирхелуме?

– Известно.

Ингильмундр был норманнским вождем, который сбежал со своими соратниками из Ирландии и поселился в Вирхелуме, на широкой полосе побережья между эстуариями рек Ди и Мэрс. Там я с Ингильмундром и повстречался – в крепости, основанной по приказу Этельфлэд в Брунانبурге, чтобы помешать грабителям-викингам подниматься по Мэрсу. Мне он запомнился как поразительно красивый, молодой, располагающий человек, доверять которому стоит не больше, чем неприрученному соколу. Но Этельстан ему доверял. Он проникся к нему симпатией.

– А еще я слышал, – продолжил шотландец, – что Ингильмундр сделался добрым христианином!

– На радость Этельстану, – сухо заметил я.

– Насколько мне известно, Ингильмундр много чем еще радуется короля, – с улыбкой промолвил Домналл. – Особенно советом насчет Нортумбрии.

– И что же это за совет? – спросил я. Сам вопрос говорил о моей неосведомленности, но зачем еще Константину посылать Домналла, если не с целью удивить меня?

– Нам шепнули, что Ингильмундр провозгласил Нортумбрию диким, необузданным краем, по праву принадлежащим Этельстану. И краю этому требуется сильный правитель. Из норманнов, допустим. Норманн-христианин, который присягнет на верность Этельстану и будет неустанно обращать в истинную веру толпы язычников, населяющих эту северную страну.

С минуту я молчал, взвешивая, насколько правдивы могут быть слова Домналла. Мне они не понравились.

– Любопытно, откуда королю Константину известно так много о совете, данном товарищем по охоте? – осведомился я.

Домналл пожал плечами.

– Лорд Утред, ты ведь получаешь вести из других стран? Вот и мы тоже. А королю Овейну, новому нашему союзнику, – он уважительно кивнул в сторону сурового Дифнвала, брата и полководца Овейна, – выпало счастье иметь и других приятелей, и кое-кто из них служит Анлафу Гутфритсону. – Он помедлили немного. – В Ирландии.

Я ничего не ответил, но снова ощутил холодок внутри.

Анлаф Гутфритсон, приходившийся Сигтригру и Гутфриту двоюродным братом, был известен как выдающийся и безжалостный военачальник и выгрыз себе пугающую репутацию, победив своих соперников-норманнов в Ирландии. Я не так уж много о нем знал: только что он молод и быстро снискал воинскую славу. А еще – что он по праву родства претендует на корону Нортумбрии. Претензия эта не мешала мне крепко спать по ночам, потому как от Ирландии до Эофервика и Беббанбурга вовсе не рукой подать.

– В Ирландии, – с нажимом повторил Домналл.

– До Ирландии далеко, – отрезал я.

Тут в первый раз заговорил Дифнвал:

– Хороший корабль покрывает расстояние от Ирландии до Страт-Клоты за половину дня. – Голос у него был невыразительный и грубый. – Даже меньше, – добавил он.

– И что общего между Анлафом Гутфритсоном и Ингильмундром? – задал я вопрос, обращаясь к Домналлу.

– Год назад Ингильмундр и Анлаф встретились на острове под названием Мён, – ответил вместо него Дифнвал. – Встретились как друзья.

– Они оба норманны, – отмахнулся я.

– Как друзья, – подчеркнул Домналл.

Я только посмотрел на него, глаза в глаза. Какое-то время у меня не находилось слов. Этельстан ведь не настолько глуп, чтобы довериться Ингильмундру! Хотелось защитить короля, которого я растил и любил как сына, которому по-

мог взойти на трон. Но я поверил Домналлу.

– Продолжай, – произнес я таким же ровным тоном, как Дифнвал.

Домналл откинулся назад и расслабился, как если бы понял, что доставленное им послание дошло до меня.

– Лорд Утред, существуют две вероятности, – сказал он. – Первая: король Этельстан добавит Нортумбрию к своим владениям и создаст, как этот там называется... Инглаланд? – последнее слово в его устах прозвучало с издевкой. – И поручит управление Нортумбрией другу, человеку, на которого может положиться.

– Ингильмундру, – буркнул я.

Домналл вскинул руку, как бы призывая меня не спешить высказываться.

– И кто бы ни управлял Нортумбрией, – продолжил он, – будь то Ингильмундр или кто-то другой, Этельстан будет стремиться обезопасить свою северную границу. Он станет строить новые бурги и укреплять существующие. И постарается, чтобы в этих бургах размещались люди, всецело преданные ему.

Естественно, это был намек на Беббанбург.

– У короля Этельстана нет причин сомневаться в моей преданности, – возразил я.

– И ему захочется, чтобы эти люди были христианами, – продолжил Домналл, как если бы не слышал моих слов.

Я промолчал.

– Вторая вероятность, – шотландец налил себе еще эля, – заключается в том, что Ингильмундр добивается поста правителя Нортумбрии и, укрепившись в Эофервике и дождавшись, когда Этельстан уедет в далекий Винтанкестер, пригласит к себе Анлафа Гутфритсона. Норманнам нужно королевство, так чем плохо то, которое называется Нортумбрия?

Я пожал плечами:

– Ингильмундр и Анлаф перегрызутся, как два хорька. Королем может быть лишь один, а никто из них не готов уступить другому.

Домналл кивнул, соглашаясь с моим доводом:

– Вот только при наличии общих врагов даже хорьки способны стать друзьями. – В качестве примера он мотнул головой в сторону Дифнвала.

Тот не улыбнулся.

– У Анлафа Гутфритсона есть дочь, незамужняя. А Ингильмундр не женат. – Валлиец повел плечами, давая понять, что доказал аргумент Домналла.

Вот только в чем этот аргумент заключается? В том, что Этельстан хочет Нортумбрию? Он всегда хотел. Что Этельстан поклялся не вторгаться в Нортумбрию при моей жизни, а теперь нарушил клятву? Это так, но Этельстану еще предстояло объяснить мотивы своего поступка. Что Ингильмундр – вероломный норманн, имеющий собственные виды на Нортумбрию? Так они есть и у Константина. И у всех на пути стоит одно серьезное препятствие – Беббанбург.

Я знаю, что Беббанбург можно завоевать. Несколько веков назад мой предок взял форт, а потом я захватил эту твердыню, но любой враг, будь то сакс, норманн или скотт, найдет Беббанбург крепким орешком. Я усилил и без того мощную оборону своего дома. Единственный верный способ овладеть им – расположить флот напротив беббанбургского берега и армию у ворот, отрезав тем самым подвоз припасов, взяв нас, таким образом, измором. Либо осада, либо предательство.

– Чего ты хочешь? – задал я Домналлу вопрос, стремясь покончить с этой неприятной встречей.

– Мой король предлагает тебе союз, – тщательно подбирая слова, сказал шотландец. И вскинул руку, предупреждая мои возражения. – Он готов дать клятву никогда не нападать на тебя и, более того, прийти на помощь в случае вторжения. – Домналл выждал, ожидая от меня ответа, но я молчал. – И он даст тебе в заложники своего старшего сына.

– Его сын уже был у меня заложником.

– Принц Селлах шлет привет. Он добром поминает тебя.

– И я его тоже.

Селлах оказался моим заложником много лет назад, когда Константин решил заключить перемирие между Альбой и Нортумбрией. Перемирие устояло, юный принц прожил у меня год, и я проникся к нему симпатией. Впрочем, подумалось мне, теперь Селлах уже мужчина средних лет.

– И чего хочет от меня король Константин за это? – уточ-

нил я.

– Ему нужна Камбрия, – ответил Домналл.

– Которая отойдет к Страт-Клоте? – Я поглядел на Дифн-вала. Камбрия граничила с этим малым королевством, и трудно было представить, что король Овейн потерпит шотландских воинов на своей южной границе. Никто из моих собеседников не ответил, поэтому я снова перевел взгляд на Домналла. – Только Камбрия?

– Королю Константину, – заговорил Домналл предельно осторожно, – нужны все земли к северу от Тинана и Гедена.

Я улыбнулся:

– Он меня в скотта решил обратить?

– Случаются вещи и похуже. – Домналл улыбнулся в ответ.

Константин и прежде заявлял территориальные претензии, упирая на то, что построенная римлянами поперек Британии великая стена, протянувшаяся от реки Тинан на востоке до Гедена на западе, является естественной границей между скоттами и саксами. Весьма дерзкая заявка, которой Этельстан, как я знал, будет сопротивляться всеми силами. Если ее удовлетворить, Беббанбург превратится в шотландскую пограничную крепость, а передо мной, хоть это и осталось невысказанным, выдвинут требование присягнуть на верность Константину.

«Нортумбрия! – подумал я. – Бедная Нортумбрия!» Маленькая и скверно управляемая страна, со всех сторон гра-

ничающая с более сильными народами. К северу живут скотты, к югу – саксы, и те и другие хотят прибрать ее к рукам. Норманны из Камбрии, этой западной нортумбрийской области, скорее всего, предпочтут скоттов, но обитающие в Восточной Нортумбрии саксы научились бояться шотландцев и видят самую надежную свою защиту в мощи Беббанбурга.

– А что станется с Беббанбургом? – спросил я.

– Король обещает, что крепость будет принадлежать тебе и твоим преемникам вечно.

– Вечность – большой срок.

– А Беббанбург – крепость на все времена, – возразил Домналл.

– Но как к этому отнесутся шотландские христиане? – осведомился я. – Долго ли они согласятся терпеть язычество?

– Король Овейн, – снова заговорил Дифнвал, – с уважением относится ко верованиям норманнов в нашей стране.

Это объясняло молот, висящий рядом с крестом.

– Верования их он уважает до тех пор, пока нуждается в их мечах, – съязвил я.

– Я не намерен обсуждать это, – отрезал Домналл и посмотрел на моего сына, сидевшего справа от меня. – Как вижу, однако, твой сын христианин? – Мягко спросил он. Я кивнул. – Тогда со временем и, возможно, очень-очень скоро Беббанбург станет христианским.

Я проворчал что-то нечленораздельное. Меня искушали?

Да. Но предложение Константина было таким откровенным и дерзким, что у меня не находилось слов. Домналл, похоже, видел мои колебания.

– Лорд Утред, мы не требуем немедленного ответа, – успокоил он. – Просто хотим, чтобы ты все обдумал. И сообщил о решении через три недели.

– Через три недели?

– В Бургеме, – уточнил шотландец.

– В Бургеме? – озадаченно переспросил я.

– Тебя разве не вызвали? – В голосе его прозвучало удивление.

– Что за Бургем?

– Городок в Камбрии, – пояснил Домналл. – Король Этельстан созвал нас всех, – произнес он с иронией, хотя последние слова буквально сочлись ядом. – На витан² всей Британии.

– Не слышал об этом, – пробормотал я, удивляясь, почему Ода ничего мне не сказал. – И вы там будете?

– Нас вызвали, – все тем же язвительным тоном продолжил Домналл. – А когда господин зовет, мы обязаны подчиняться.

Выходит, Этельстан решил устрашить скоттов своим войском и таким образом убедить их отказаться от притязаний на Нортумбрию. И с какой стати, размышлял я, шотландцам являться на это собрание? Потому что Этельстан – сильней-

² *Витан* – собрание в англосаксонский период британской истории.

ший из королей Британии и потому что за вызовом на переговоры кроется угроза войны. Войны, которой Константин пока не хочет.

Домналл намекает, что Этельстану нужна не только Нортумбрия. Ему нужен также и Беббанбург.

Выходит, моя крепость снова под угрозой, и на этот раз союзников у меня нет.

Мне предстоит ехать в Бургем.

Глава 3

В самом ли деле Константин ожидал, что я приму предложение? Принесу ему клятву верности и передам Беббанбург с его обширными землями Шотландии? Он слишком хорошо меня знал, чтобы рассчитывать на согласие, так что посылал Домналла не ради этого. Шотландцу поручили сообщить мне, что Этельстан тоже хочет заполучить Беббанбург. И я предупреждению поверил, так как соглядатаи в Уэссексе доносили о делах при дворе Этельстана, и вести меня не радовали. Большой дом в Винтанкестере щеголял теперь позолоченными балками, трон был обит алой материей, королевская стража получила алые плащи и окованные серебром шлемы. Этельстан намеревался поразить нас своим величием, а вокруг него роились молодые, амбициозные люди, жаждавшие обрести земли, серебро и собственное величие.

И король всей Британии приказал мне явиться в Бургем.

Вызов доставил священник в сопровождении сорока верховых воинов, на щитах у которых красовалась эмблема Уэссекса в виде дракона, сжимающего в когтях молнию.

— Лорд, король шлет тебе привет, — сказал поп, после чего неуклюже сполз с седла, опустился на колени и вручил мне свиток, перевязанный красной лентой с восковой печатью, на которой оттиснуто было то же самое изображение дракона с молнией. Печать Этельстана.

Я был мрачен, так как Домналл посеял во мне недоверие к Этельстану. Я разрешил въехать в Ворота Черепов только полудюжине западных саксов, да и тем не дал продвинуться дальше конюшен, где скрепя сердце угостил слабым элем и потребовал покинуть мои владения до заката.

– Ты тоже уедешь с ними, – сообщил я попу, молодому человеку с тонкими как пух волосами, блеклыми глазами и хлюпающим носом.

– Лорд, мы очень устали! – воззвал ко мне священник.

– Ну, значит, чем быстрее вы вернетесь домой, тем лучше, – отрезал я, после чего сорвал со свитка ленту.

– Если тебе, лорд, нужна помощь, чтобы прочитать... – начала было поп, потом встретился со мной взглядом и неразборчиво пробормотал что-то.

– До заката, – напомнил я и отошел в сторону.

Это было невежливо, но я был зол.

– Они считают меня слишком старым! – пожаловался я Бенедетте, после того как священник ушел.

– Слишком старым для чего?

– Было время, – продолжил я, не обратив внимания на ее вопрос, – когда Этельстан нуждался во мне! Теперь он полагает, что меня можно не принимать в расчет, что я слишком стар для помощи ему. Я как король в тавлеях!

– В тавлеях? – спросила она, запнувшись на незнакомом слове.

– Ну, ты знаешь – это такая игра, где двигают фигуры по

доске. Этельстан считает, что меня загнали в угол, так как я слишком стар, чтобы быстро реагировать и принимать решения.

– Он ведь твой друг!

– Он был моим другом. А теперь хочет избавиться от меня. Ему нужен Беббанбург.

Бенедетта поежилась. День был теплый, но с закатом холодный ветер с моря застонал под высокими карнизами крыши.

– Что сказал тот скотт? А? Он будет защищать тебя?

Я хохотнул безрадостно:

– Им я не нужен. Их тоже интересует Беббанбург.

– Тогда тебя буду защищать я! – пылко заявила женщина. – Сегодня! Мы идем в часовню!

Я ничего не ответил. Если Бенедетта желает помолиться за меня, я пойду с ней, хотя и сомнительно, что ее молитвы перевесят амбиции королей. Если мои подозрения верны, Этельстан хочет заполучить Беббанбург, и Константин тоже, ведь королевству нужна сила. Король Альфред доказал, что мощная крепость – бург вроде Мамесестера или такая твердыня, как Беббанбург, – является самым действенным средством против захватчиков. Так что Беббанбургу суждено стать либо северным оплотом Этельстана, либо сторожем на южной границе Константина, и командовать ею будет не Утред, а человек, пользующийся полным доверием того из королей, который возьмет верх.

Но разве я не доказал, что достоин доверия? Я взрастил Этельстана, научил его сражаться, дал ему трон. Но я не христианин, не красавчик как Ингильмундр, и не льстец из числа тех, кто, по слухам, окружает теперь короля Уэссекса.

Переданное священником послание содержало приказ прибыть в Бургем на встречу с Этельстаном на праздник Зефирина, уж кем бы он там ни был. Мне полагалось привести с собой не более тридцати человек, захватив запас провизии для них на десять дней. Тридцать человек! Да проще было бы просто потребовать от меня бросить меч и открыть нараспашку Ворота Черепов!

Но я подчинился.

Я взял с собой всего тридцать своих воинов.

А еще попросил Эгила Скаллаgrimрсона составить мне компанию с семьюдесятью одним его норманном.

И вот так мы отправились в Бургем.

* * *

В ночь накануне отъезда в Бургем я побывал в беббанбургской часовне. Нечасто я ходил туда, и уж тем более с охотой, но Бенедетта попросила, и потому я повел ее в холодную ночь к маленькому храму, стоящему рядом с господским домом.

Я предполагал, что мне просто придется потерпеть, пока она помолится, но обнаружил, что Бенедетта обстоятель-

но подготовилась к визиту, потому как в часовне нас ждали широкое мелкое блюдо, кувшин с водой и фляжка. Алтарь освещали свечи, замерцавшие, когда порыв ветра ворвался в открытую дверь. Бенедетта закрыла ее, набросила капюшон плаща на темные волосы и опустилась на колени перед блюдом.

– У тебя есть враги, – с горечью произнесла она.

– У всякого мужчины есть враги, иначе он не мужчина.

– Я защищу тебя. На колени.

Я неохотно, но подчинился. Мне ли привыкать к женщинам и магии? Гизела бросала рунные палочки, чтобы предсказать будущее, моя дочь использовала заклятия, а давным-давно в одной пещере мне были ниспосланы сны. Колдуны есть и среди мужчин, конечно, и мы их боимся, но женская магия более тонкая.

– Что ты делаешь? – спросил я.

– Тише! – Она налила воду в мелкое блюдо. И продолжила негромко: – *Il malocchio ti ha colpito*.

Я не стал спрашивать о значении этих слов, так как понимал, что они обращены скорее к ней самой, чем ко мне. Бенедетта вытащила пробку из фляжки и очень осторожно влила в воду три маслянистые капли.

– Теперь жди, – велела она.

Капли растекались, поблескивая, образуя фигуры. Ветер стонал под крышей часовни, дверь поскрипывала. Волны бились о берег.

– Есть опасность, – сказала итальянка, глядя на масляный узор.

– Опасность всегда есть.

– Дракон и звезда, – произнесла она. – Они пришли с севера?

– Верно.

– Однако опасность грозит с юга. – В тоне звучало удивление. Она ниже склонилась над блюдом, и капюшон закрыл ее лицо.

Женщина снова замолчала, потом махнула мне:

– Подойди ближе.

Я подполз на коленях к ней.

– Нельзя мне поехать с тобой? – с мольбой спросила она.

– Если там опасно? Нет.

Бенедетта приняла ответ, хотя и осталась недовольна. Она и прежде упрашивала взять ее собой, но я строго-настрого запретил своим воинам брать женщин и не мог сделать исключение для себя.

– Не знаю, подействует ли это, – пробормотала итальянка.

– Это?

– *Hai bisogno di farti fare l'affascinò.* – Она поглядела на меня и нахмурилась. – Я должна защитить тебя при помощи... – Бенедетта запнулась, подбирая слово. – Чар?

– Заклинания?

– Вот только женщина, – тон ее по-прежнему был печальным, – способна сотворить его лишь три раза в жизни. Всего

три!

– А ты уже использовала три раза?

– Я наложила три проклятия, – подтвердила Бенедетта. – На работорговцев. Три проклятия.

Еще девочкой ее обратили в рабство. Пройдя через весь христианский мир, она оказалась в холодной, дикой Британии, где превратилась в невольницу третьей жены короля Эдуарда. Теперь ей выпала судьба стать моей спутницей. Бенедетта перекрестилась:

– Однако Бог может дать мне сотворить еще одно заклинание, потому что это не проклятие.

– Надеюсь.

– Господь милостив. Он дал мне новую жизнь, и я встретила тебя. И не оставит меня теперь одну. – Она коснулась пальцем масляного пятна. – Ближе.

Я наклонился ниже, и Бенедетта дотронулась испачканным в масле пальцем до моего лба.

– Вот и всё. Когда почувствуешь, что опасность близка, тебе нужно будет сплюнуть.

– Просто сплюнуть? – Я хмыкнул.

– Сплюнуть! – выпалила она, рассердившись на мою усмешку. – Думаешь, Богу, ангелам и демонам что-то большее нужно? Им ведомо, что я сделала. Этого довольно. И твои боги, они тоже знают!

– Спасибо, – смиренно произнес я.

– Ты вернешься ко мне, Утред Беббанбургский!

– Вернусь, – пообещал я.

Если только не позабуду сплунуть.

* * *

Никто из нас не знал, где находится Бургем, но перепуганный поп, доставивший в Беббанбург вызов, заверил меня, что это в Камбрии.

– Думаю, Бургем расположен где-то к северу от Мамесестера, лорд.

– К северу от Мамесестера много чего расположено, – огрызнулся я.

– В Бургеме монастырь есть, – с надеждой пробормотал поп, но, когда я ничего не ответил, сник. А потом вдруг просиял. – Кажется, там поблизости битва была!

– Кажется?

– Думаю, да! Я слышал про это. Люди говорили, что это была твоя битва. – Он улыбнулся так, будто ожидал, что я улыбнусь в ответ. – По их словам, ты одержал важную победу! На севере, близ великой стены. Говорят, ты... – Голос его ослабел.

Единственная подходившая под описание битва состоялась в Хеабурге, и потому, следуя расплывчатым указаниям попа, мы поскакали на запад вдоль древнеримской стены, пересекающей Нортумбрию. Погода испортилась, с шотландских гор пришел промозглый холодный дождь, и мы медлен-

но продвигались вперед по возвышенностям. Однажды на ночь мы встали лагерем на развалинах каменного римского форта, одного из бастионов великой стены. Я сидел под прикрытием осыпавшейся стены, вспоминая ожесточенную битву под укреплениями Хеабурга. Дождь норовил залить наши костры, и едва ли кто из воинов крепко спал в ту ночь. С рассветом небо прояснилось, робко выглянуло солнце, и вместо того, чтобы идти дальше, мы провели утро, обсушивая одежду и чистя оружие.

– Сдается, мы опоздаем, – сказал я Финану. – Впрочем, мне дела нет. Но не сегодня ли праздник того святого?

– Да вроде так. Не уверен. Завтра, может быть?

– Кто он хоть был-то?

– Отец Кутберт сказал, что это был дурачок-свинопас, ставший папой. Зефирин Глупый.

Я рассмеялся, потом понаблюдал как стервятник парит в полуденном небе.

– Думаю, пора выступать.

– Мы идем в Хеабург? – уточнил Финан.

– Куда-то туда, – ответил я. У меня не было желания возвращаться в то место, но если поп был прав, то Бургем лежал южнее, так что мы последовали по неровной тропе через скалистые холмы и провели ночь в долине Тинана, под укрытием густого леса. На следующее утро под моросящим дождем поднялись из долины, и на далекой вершине холма я увидел Хеабург. Солнечный луч освещал древний форт,

оставляя в тени римские рвы, в которых нашли гибель столь многие из моих людей.

Рядом со мной скакал Эгил. Про битву под Хеабургом он не проронил ни слова.

– Чего нам ожидать в Бургеме? – спросил мой друг.

– Неприятностей.

– Ну, значит, ничего нового, – мрачно процедил Эгил.

Это был высокий, приятной наружности норманн с длинными светлыми волосами и здоровенным, как корабельный штевень, носом. Эгил – странник, обретший дом на моей земле и плативший мне дружбой и преданностью. Он сказал, что обязан мне жизнью, потому как я спас его младшего брата Берга от жестокой смерти на валлийском берегу, но думаю, мы давно уже были квиты. Эгил остался, полагаю, потому, что я пришелся ему по душе, как и он мне.

– Говоришь, у Этельстана две тысячи воинов? – осведомился он.

– Утверждают, что так.

– Если мы ему не по душе, то окажемся слегка в меньшинстве, – промурлыкал Эгил.

– Так, самую малость.

– До этого дойдет?

Я покачал головой:

– Он сюда не воевать приехал.

– Тогда что ему тут понадобилось?

– Ведет себя как пес, – проворчал я. – Метит границы сво-

их владений.

Вот что привело его в Камбрию, эту необжитую и необузданную западную область Нортумбрии. На нее облизывались скотты, ирландские норманны претендовали на нее, мы воевали за нее. Теперь вот появился Этельстан, чтобы водрузить над ней свое знамя.

– Выходит, он и на нас собирается задрать лапу? – поинтересовался Эгил.

– Полагаю, что так.

Эгил коснулся молота на груди:

– Но ему не по нраву язычники.

– Значит, нас он описает более щедро.

– Он хочет, чтобы мы ушли. Они нас называют чужаками.

Язычниками и чужаками.

– Ты живешь здесь, – с нажимом сказал я. – Ты теперь нортумбриец. Ты сражался за эту землю, а потому имеешь на нее не меньше прав, чем любой другой.

– Но Этельстану нужно, чтобы мы стали англичанами. – Норманн старательно выговаривал незнакомое слово. – И хочет, чтобы все англичанцы были христианами.

– Если он желает проглотить Нортумбрию, то придется вместе с мясом съесть и хрящи, – заявил я сердито. – Половина Камбрии населена язычниками! Он хочет обратить их во врагов?

Эгил пожал плечами:

– Выходит, король просто помочится на нас и мы поедем

домой?

– Если это его удовлетворит, то да. – Я надеялся, что так и случится, хотя на самом деле ожидал яростной схватки за Беббанбург.

Ближе к вечеру, когда дорога спустилась в широкую, хорошо орошенную долину, мы заметили на юге дым. Не высокий темный столб, говорящий о сожженной усадьбе, а похожую на туман завесу, окутавшую плодородные поля в речной пойме. Это знак большого скопления людей, поэтому мы повернули коней к югу и на следующий день прибыли в Бургем.

Народ обживал это место издавна – древние люди, составлявшие причудливые круги из больших валунов. При виде подобных кругов я касаюсь молота. Боги посещают эти края, вот только какие боги? Иные, чем мои, и гораздо древнее пригвожденного христианского Бога. Христиане, с кем мне доводилось беседовать, утверждают, что эти места дурные. Дьявольские капища, называют они их. Однако Этельстан выбрал одно из таких мест для собрания.

Круги располагались к югу от реки. Я видел два, хотя позже обнаружил поблизости от них третий. Самый большой лежал на западе, и именно там реяли флаги Этельстана: посреди сотен воинов, сотен шатров, сотен грубых шалашей, крытых дерном. Вокруг них горели костры и стояли на привязи кони. Знамен оказалось много. Некоторые были треугольные и принадлежали норманнским ярлам, находились они в южной стороне, у другой речки, воды которой быстро бежали по

мелкому каменистому руслу. Ближе к большому кругу развевались флаги, в основном знакомые мне. То были штандарты Уэссекса: кресты и святые, драконы и вздыбленные кони, черный олень Дефнаскира, скрещенные мечи и бычья голова Кента. Все из них мне приходилось видеть в бою – иногда на моей стороне «стены щитов», иногда на противоположной. Присутствовал тут и прыгающий олень Этельхельма, хотя этот род уже не числился среди моих врагов. К друзьям я его причислить бы поостерегся, но давняя распря пресеклась со смертью Этельхельма Младшего. Среди западносаксонских знамен нашлось место стягам Мерсии и Восточной Англии – все их владельцы признавали теперь короля Уэссекса своим верховным правителем. Таково было саксонское войско, пришедшее на север, и, судя по числу знамен, Этельстан привел в Бургем где-то с тысячу воинов.

К западу, над лагерем меньших размеров и особняком расположенным, реяли неведомые мне флаги. Но я разглядел среди них сжимающую крест красную руку, эмблему Домналла, и сделал вывод, что эти шатры и землянки принадлежат шотландцам. А вот южнее я, к своему удивлению, увидел, как колышется на ветру красный драконий стяг Хивела из Диведа. Ближе к нам, прямо за речным бродом, раскинулась дюжина шатров, осененных треугольным стягом Гутфрита со злобно ощерившимся вепрем. Значит, и Гутфрит здесь. Я заметил, что его небольшой лагерь охраняют воины с эмблемой Этельстана в виде сжимающего молнию

дракона на окованных железом щитах. Такая же красовалась на флаге Этельстана на высоченном древке из ствола сосны у входа в самый большой каменный круг, а рядом с ним на шесте почти такой же высоты развевался бледный штандарт с крестом цвета запекшейся крови.

– А это чье знамя? – спросил Финан, указав на него.

– Этельстана, наверное.

– И Хивел тут! – удивился ирландец. – Я думал, что он в Риме.

– Уже вернулся, – предположил я. – Или только собирается. Кто скажет? Так или иначе, валлийцы здесь.

– А где наше знамя?

– В Беббанбурге, – был мой ответ. – Я про него забыл.

– А у меня два своих есть, – довольным тоном заявил Эгил.

– Тогда разверни одно. – Мне хотелось, чтобы Этельстан увидел, как треугольный флаг с темным орлом, принадлежащий норманнскому вождю, прибывает в его лагерь.

Мы переправились через брод. Здесь нас встретили западные саксы, охраняющие шатры Гутфрита.

– Ты кто такой? – Мрачного вида воин вскинул руку, приказывая остановиться.

– Эгил Скаллаgrimсон.

Я намеренно попросил Эгила возглавить отряд на переправе. По бокам у него ехали воины-норманны, а я и Финан держались позади. Мы остановились еще в реке, вода жур-

чала, доходя коням до бабок.

– И куда едешь? – резко осведомился мрачный.

– Куда хочу, – ответил Эгил. – Это моя страна.

Он хорошо говорил по-английски, нахватавшись от девиц-саксонок, так и прыгавших к нему на ложе, но теперь намеренно коверкал слова, как если бы едва их знал.

– Сюда можно только приглашенным. А ты, сдается мне, не вступишь в их число.

На подмогу к мрачному подоспели с десятков западносаксонских копейщиков со щитами Этельстана. Кое-кто из людей Гутфрита расположился позади в надежде поглазеть на казавшуюся неизбежной стычку, а все новые уэссекцы спешили на подмогу к своим.

– Я иду туда. – Эгил указал на юг.

– Ты развернешься и отправишься туда, откуда пришел, – посоветовал мрачнолицый. – Вы все и до самого конца: назад, в вашу проклятую страну за морем.

Маленький отряд разрастался в числе с каждой минутой, и по мере того, как весть распространялась со скоростью пожара, из лагеря прибывало все больше саксов, пополняя его ряды.

– Разворачивайтесь, – проговорил мрачный медленно и с угрозой, как если бы обращался к упрямому мальчишке. – И проваливайте отсюда.

– Нет, – сказал я и втиснул своего скакуна в зазор между Эгилем и его знаменосцем.

– Дед, а ты кто такой? – с вызовом спросил сакс, перехватывая копье.

– Убей старого придурка! – заорал один из людей Гутфрита.

Его товарищи принялись издеваться надо мной, приободренные, видимо, присутствием стражников Этельстана. Крикуном оказался парнишка с длинными светлыми волосами, собранными в толстый хвост. Он протолкался между западными саксами и задиристо посмотрел на меня.

– Я тебя вызываю, – заявил юнец.

Всегда найдется глупец, жаждущий репутации, а убить меня – короткий путь к воинской славе. Парень наверняка был хорошим бойцом: крепкий на вид, явно не обделен отвагой, с добытыми в бою браслетами на предплечьях. Он жаждал добыть громкое имя ценой моего убийства. Более того, на него давили сотоварищи, кричавшие мне слезать с коня и сражаться.

– Кто ты такой? – спросил я.

– Меня зовут Колфинн, сын Хэфнира, – ответил молодой человек. – Я служу Гутфриту Нортумбрийскому.

По моей догадке, он был с Гутфритом, когда я преградил им путь бегства в Шотландию, и теперь Колфинн Хэфнирсон мечтал отомстить за унижение. Он бросил мне вызов, и обычай обязывал меня этот вызов принять.

– Колфинн, сын Хэфнира, – повторил я. – Я не слышал про тебя, а между тем знаю всех воинов в Британии, заслу-

живших славу. Чего я не знаю, так это зачем мне утруждать-ся и убивать тебя. Колфинн, сын Хэфнира, в чем причина твоей обиды? Из-за чего наша ссора?

На удар сердца вид у парня стал растерянный. У него было открытое лицо с добротнo свернутым набок носом, а золотые и серебряные браслеты на руках говорили о том, что молодой воин пережил немало схваток и одержал в них победу. Вот только чего при нем не было, так это меча, как и любого другого оружия. Здесь лишь у западных саксов под началом мрачнолицего имелись мечи и копья.

– Ну так как? – строго спросил я. – Из-за чего наша ссора?

– Ты не должен... – заговорил было угрюмый сакс, но я оборвал его, вскинув руку.

– Из-за чего наша ссора, Колфинн, сын Хэфнира? – снова потребовал я.

– Ты – враг моего короля, – выкрикнул он.

– Враг твоего короля? Да в таком случае тебе придется сражаться с половиной Британии!

– Ты трус! – бросил он мне и шагнул вперед, но остановился, когда Эгил тронул своего скакуна и обнажил меч, носивший имя Аддер. Эгил улыбался. Шумная толпа за спиной у Колфинна попритихла, и это меня не удивило. В улыбающемся норманне с мечом есть что-то, от чего у большинства воинов бегут мурашки по коже.

Я потянул Эгила назад.

– Колфинн, сын Хэфнира, у тебя нет причины ссориться

со мной, — заключил я. — А вот у меня причина для ссоры с тобой есть. И мы уладим наш спор в то время и в том месте, какие выберу я. Вот тебе мое слово. А теперь дай нам пройти.

Западный сакс выдвинулся вперед, явно в стремлении настоять на своей зыбкой власти.

— Ты не приглашен, — вновь заладил он. — И должен уйти.

— Да приглашен он, — произнес другой человек. Он только что присоединился к отряду, перекрывавшему нам дорогу, и как у командира саксов на щите у него была эмблема Этельстана. — А ты, Сенвал, — продолжил он, глянув на угрюмого командира, — тупоголовый идиот. Если, конечно, не решил сразиться с лордом Утрedom. Уверен, он окажет тебе такую честь.

Недовольный Сенвал проворчал что-то себе под нос, но опустил копье и отступил, позволяя вновь прибывшему подойти ко мне.

— Добро пожаловать, лорд, — поприветствовал тот. — Как полагаю, тебя вызвали?

— Да. А ты кто такой?

— Фраомар Седдсон, лорд. Люди по большей части кличут меня Конопатым.

Я улыбнулся, потому что лицо у Фраомара было густо усеяно веснушками, пересечено белесым шрамом и обрамлено огненно-рыжей шевелюрой. Он посмотрел на Эгила.

— Будь признателен, если ты вложишь меч в ножны, — веж-

ливо попросил сакс. – По указу короля только стражникам разрешается носить мечи в лагере.

– Он охраняет меня, – заявил я.

– Будь любезен, – обратился Фраомар к Эгилу, будто не слыша меня. И Эгил послушно вогнал длинный клинок Аддера в ножны.

– Спасибо, – сказал Фраомар.

Это был человек лет тридцати пяти, уверенный и деловитый. Его приход заставил зевак разбрестись, хотя я и заметил, что люди Гутфрита бросают на меня взгляды, в которых читалось нечто близкое к ненависти.

– Мы подыщем для вас что-нибудь в лагере, – продолжил Фраомар.

Я указал в сторону юго-запада, на промежуток между расположением саксов и валлийцев.

– Вот там подойдет. – Я спешился, бросил Алдвину поводья и зашагал рядом с Фраомаром впереди моего отряда. – Мы последние из прибывших?

– Большинство собралось уже три дня назад, – ответил сакс, а потом как-то замялся. – Они принесли клятвы на праздник святого Варфоломея.

– Разве не святого, как его там... – Я запнулся, не в силах припомнить имя глупого папы. – Когда был Варфоломеев день?

– Позавчера, лорд.

– И что за клятвы? – осведомился я. – Какие?

Последовала очередная смущенная пауза.

– Не знаю, лорд. Меня там не было. И прошу прощения за этого придурка Сенвала.

– Почему? – На самом деле мне хотелось расспросить насчет клятв, но было ясно, что Фраомар не хочет о них говорить, а я и так вскоре все узнаю. Еще мне хотелось разобраться, почему перетрусивший поп намеренно сообщил нам более позднюю дату, но я понимал, что и на этот вопрос Фраомар ответа не даст. – Сенвал – твой человек?

– Он западный сакс. – Его собственный говор выдавал в нем мерсийца.

– И западные саксы все еще косятся на Мерсию? – поинтересовался я. Этельстан сам был уэссекцем, но войско, возведшее его на трон, состояло по большей части из мерсийцев.

Фраомар покачал головой:

– Эта беда не из крупных. Западные саксы понимают, что Этельстан – лучший выбор. Возможно, кое-кто еще ведет старую битву, но таких не много.

Я скривился:

– Только глупец захочет повторения битвы, что случилась при Лундене.

– Ты имеешь в виду сражение у городских ворот, лорд?

– Это было ужасно, – ответил я, не покривив душой. Моим людям пришлось принять на себя удар отборных войск западных саксов. Настоящая бойня, от которой я просыпал-

ся подчас по ночам с ощущением неизбежной гибели.

– Лорд, я помню этот бой, – произнес Фраомар.

– Ты был с Этельстаном?

– Скакал вместе с ним. Видел, как сражались твои люди. –

Он прошел несколько шагов молча, потом бросил взгляд на Эгила. – Он вправду с тобой?

– Да, – подтвердил я. – Это норманн, поэт, воин и мой друг. Так что он вправду со мной.

– Просто это так странно... – Фраомар не договорил.

– Оказаться среди стольких язычников?

– Язычников, да. А заодно среди треклятых скоттов. Да и валлийцев.

Мне подумалось, что Этельстан поступил очень мудро, запретив ходить по лагерю с оружием всем, кроме, разумеется, стражи.

– Не доверяешь язычникам, скоттам и валлийцам? – уточнил я.

– А ты, лорд?

– Так ведь я один из них. Я – язычник.

Фраомар смутился. Ему следовало сообразить, что я не христианин – если уж моей репутации не хватало, то висящий на груди молот должен был подсказать.

– Но мой отец говорил, что ты был самым лучшим другом короля Альфреда, – сказал он.

Я расхохотался:

– У короля Альфреда не было друзей. Я восхищался им,

а он меня терпел.

– Лорд, и король Этельстан должен понимать, что ты для него сделал, – заявил он, однако голосом, в котором послышалось сомнение.

– Думаю, он ценит то, что все мы для него сделали.

– Битва при Лундене была такая, каких мало! – воскликнул Фраомар, явно обрадованный, что я не обратил внимания на его тон в предыдущей фразе.

– Это точно, – подтвердил я и вроде как невзначай добавил: – С того дня мы с Этельстаном не виделись.

Уловка сработала.

– Он переменился, лорд! – Фраомар помедлил, потом сообразил, что должен обосновать свой вывод. – Стал... – новая заминка, – очень важным.

– Это же король.

– Верно. – Голос его прозвучал несколько печально. – Я тоже был бы важным, стань я королем.

– Фраомар Конопатый, а? – предложил я. Он рассмеялся, и момент откровенности остался позади. – Этельстан здесь? – спросил я, указав на большой шатер внутри каменного круга.

– Он поселился в монастыре в Дакоре, – ответил Фраомар. – Это неподалеку. Ты можешь расположиться тут. – Он остановился на широкой полосе луга. – Вода из реки, дрова из рощи – удобно разместитесь. Вечером в церкви служба, но, как понимаю... – Его фраза осталась незаконченной.

– Думаю, ты прав.

– Следует мне сообщить королю о твоём приезде, лорд? – спросил Фраомар, и снова в его голосе почувствовалось какое-то смущение.

Я улыбнулся:

– Этельстан знает, что я здесь. Но если сообщать – твоя работа, то выполняй.

Фраомар ушел, и мы занялись сооружением шалашей. На всякий случай я отрядил Эгила с дюжиной дружинников разведать окрестности. Проблем ждать не стоило – при таком количестве воинов Этельстана вряд ли какому-нибудь шотландцу или валлийцу вздумается затеять войну. Просто я плохо помнил эту часть Камбрии и в случае неприятностей хотел знать, как лучше избежать их.

Шатров я с собой не захватил. Бенедетта предлагала скроить один из парусины, но я заверил ее, что мы вполне привычны к походным условиям, да и выучные наши лошади и так уже нагружены тяжелыми бочонками с элем, бочками с мукой и мешками с вяленным мясом, сыром и рыбой. Вместо шатров мои люди нарубили боевыми секирами сучьев, связали их ивовыми ветками и сложили из них немудреные шалаши с односкатной крышей. Потом покрыли их вырезанными при помощи ножей кусками дерна, а пол устлали папоротником. Чтобы сделать работу более увлекательной, объявили соревнование: у кого шалаш получится лучше. Постройку-победительницу, впечатляющую хижину из дерна разме-

ром почти с небольшой дом, мне предстояло делить с Финаном, Эгилом и его братом Торольфом. Естественно, нам полагалось рассчитаться со строителями рубленным серебром, элем и добрым словом, что мы и сделали. Потом наблюдали, как двое парней, срубив и очистив от коры высокий ствол лиственницы, поднимают на нем орлиный стяг Эгила. К тому времени солнце клонилось уже к закату, и мы развели костры. Около дюжины моих воинов-христиан отправились туда, где сотни верующих слушали проповедь священника, мы же с Финаном, Эгилом и Торольфом сидели, глядя на пляшущие языки пламени.

Я размышлял о клятвах, об атмосфере напряжения, накрывшей лагерь, для поддержания порядка в котором требовались сильные отряды копейщиков, о вещах, о которых умалчивал Фраомар, и о том, почему меня вызвали в Бургем на несколько дней позже, чем собрались все остальные. Думал и про Этельстана. Во время последней нашей встречи он благодарил меня за Лунден, воздал мне хвалу под приветственные крики. В придачу к Лундену он получил изумрудную корону. Однако с того далекого дня король не отправлял мне никаких сообщений и не оказывал никаких почестей. Я вот уплатил людям серебром за построенный для меня шалаш, а сам не получил ничего за подарок в виде целого королевства.

Wyrd bið ful āraed.

Судьбы не избежать.

Проповедь закончилась, люди разошлись по своим жилищам, а кучка монахов в рясах с капюшонами принялась с песнопениями обходить лагерь. Первый монах нес фонарь, около дюжины собратьев сопровождали его, распевая низким и мрачным голосом.

– Христианская магия? – поинтересовался Торольф.

– Просто молятся о мирной ночи. – Финан осенил себя крестом.

К нашим шалашам монахи не подошли, но развернулись и направились обратно, туда, где горели костры, освещавшие вечернюю проповедь. Голоса их стали затихать, потом из валлийского лагеря донесся звонкий женский смех.

Эгил вздохнул:

– И почему мы не взяли своих женщин?

– Потому что они нам ни к чему, – ответил Финан. – Тут собрались все шлюхи, обитающие между Кайр-Лигвалидом и Мамесестером.

– Эге! – Эгил расплылся в ухмылке. – И чего ради тогда я торчу тут с вами тремя?

– Можешь воспользоваться вон той рощицей, – сказал я, кивнув на юг, в сторону кучки темных деревьев, росших между нами и лагерем валлийцев.

И увидел стрелу.

В озаренной огнями ночи стрела показалась лишь на миг: мимолетной искрой сверкнул в пламени костра стальной наконечник и мелькнуло серое оперение. Летела она в нашу

сторону. Толкнув Финана влево, а Эгила вправо, я сам бросился наземь, и стрела скользнула поверх левого моего плеча, пробив плащ.

– Уходим! – крикнул я, и мы все четверо отползли от костра в тень. Тут вторая стрела вылетела из темноты и вонзилась в дерн. – Ко мне!

Я находился в безопасности позади шалаша, укрытый от лучника, выпускавшего стрелы из ивовой рощицы.

Эгил, Торольф и Финан подбежали ко мне. Дружинники, встревоженные моими криками, вышли из жилищ.

– У кого есть оружие? – спросил я. В ответ раздался хор голосов, и я, не теряя времени, велел следовать за мной.

Я побежал к ивам. Поначалу принял влево, подальше от горящих костров, но понимал, что вопреки этой мелкой предосторожности меня все равно увидят. Похоже, лучник один: будь их двое или трое, в нас устремилось бы несколько стрел. Еще я не сомневался, что стрелявший уже сбежал. Он должен был видеть, как к нему приближаются два десятка человек, на обнаженных мечях которых играют блики огня, и если только не намеревался расстаться с жизнью, то наверняка дал деру. Тем не менее хода я не сбавлял.

– Беббанбург! – завопил я, и воины подхватили боевой клич.

Все еще вопя, мы вломились в ивовый подлесок, ломая ветки и побеги. Новых стрел не было, и постепенно все затихли. Я остановился в тени толстого ствола.

– А из-за чего шум поднялся? – поинтересовался Берг.

– Вот из-за чего, – сказал Финан и потянул за стрелу, до сих пор торчащую у меня из плаща. Он выдернул ее и повернулся к свету. – Черт, длинное древко!

– Отступи в тень, – велел я ему. – И вы все тоже.

– Ублюдок давно ушел, – проворчал ирландец. – Так что никто нас не увидит.

Луны не было, но костры нашего и валлийского лагерей освещали деревья красноватым светом. Я вдруг расхохотался.

– Что такое? – спросил Эгил.

– Нам вроде как не полагается иметь оружие, – напомнил я и указал на людей в рощице, каждый из которых сжимал меч или секиру. На подмогу из шалашей спешили еще воины, и все с оружием наголо.

Эгил прошел с частью своих парней до южного края зарослей, но не дальше. Норманны просто постояли на опушке, взглядываясь в ночь и пытаясь увидеть растворившегося в ночи лучника.

Финан взвесил стрелу на руке.

– Она не из короткого лука, – угрюмо процедил он.

– Верно.

– Это охотничий лук. – Его пальцы пробежали по оперению. – Один из тех, какие в ходу у валлийцев.

– Ими и некоторые из саксов пользуются.

– Но редко. – Попробовав острие пальцем, он поморщил-

ся. – Недавно заточенное. Эрслинг хотел тебя убить.

Я поежился, вспомнив тот проблеск в темноте. Темноты, кстати, оставалось все меньше, потому что в рощицу сбегались, привлеченные шумом, все новые люди с факелами. Ближе всех располагались валлийцы, и они прибыли первыми во главе с верзилой, закутанным в меховой плащ и с огромной боевой секирой в руках. Он сердито пролаял вопрос на своем языке и, похоже, ничуть не озаботился, когда мои люди вскинул мечи, останавливая его. Но прежде чем кто-то успел нанести удар, верзилу оттолкнул в сторону высокий поп с плешью на голове. Священник уставился на меня.

– Лорд Утред! – воскликнул он удивленно. – Беда следует за тобой!

– Она меня настигла, отец Анвин, – сказал я. – И я очень рад встрече с тобой.

– Теперь епископ Анвин, – поправил меня он, после чего адресовал резкую тираду верзиле. Тот неохотно опустил здоровенный топор.

Анвин оглядел рощицу, полную моих людей и ярко освещенную факелами, которые принесли валлийцы. При виде такого множества языческих амулетов священник хмыкнул:

– Лорд Утред, по-прежнему возвращаешься в дурном обществе? И к чему весь этот шум? Тебе разве не известно, что была служба? Епископ Освальд читал проповедь! – Анвин помедлил, глядя на меня. – Епископ Освальд!

– Мне полагается знать, кто это такой? – процедил я. Тон Анвина заставлял предположить, что епископ Освальд – известная личность, но мне-то какое дело? За долгую жизнь я по горло насытился христианскими проповедями.

– А ты почему не слушал? – спросил я у Анвина.

– С какой это стати проклятый саксонский епископ будет поучать меня, как себя вести? – парировал Анвин, и его вытянутое угловатое лицо, обычно такое суровое, расплылось в широкой улыбке.

Мы повстречались с ним много лет назад на валлийском берегу, где мои дружинники и воины короля Хивела избивали викингов Ронгвальда. Именно там Хивел сохранил жизнь Бергу.

– Так чего ты тут орешь-то? – вспомнил Анвин. – Мыши испугался?

– Вот чего, – сказал я, беря у Финана стрелу.

Анвин взял ее у меня, взвесил на руке и нахмурился. Догадываясь, видимо, о ходе моих мыслей, он покачал головой:

– Это не один из наших людей. Пошли поговорим с королем Хивелом.

– Разве он не в Риме?

– Ты думаешь, я предложил бы тебе пойти со мной, будь король в Риме? – отрезал епископ. – От одной мысли, что придется терпеть твоё общество в течение столь долгого путешествия, меня кидает в дрожь. Хивел желает встретиться с тобой. По какой-то непонятной причине у него сложилось

хорошее мнение о тебе.

Но прежде чем мы успели тронуться в путь, с западной стороны к рожице подтянулись еще люди с факелами. У большинства из них имелись щиты с Этельстановой эмблемой в виде дракона с молнией. Возглавлял их молодой человек на роскошном сером коне. Он вынужден был пригнуться, проезжая под ветками, потом осадил скакуна рядом со мной.

– У тебя меч, – рявкнул он и обвел взглядом всю нашу вооруженную толпу. – Король распорядился, что только караульные могут носить оружие.

– Я караульный, – заявил я.

Ответ его разозлил, на что и был расчет. Воин уставился на меня. Он был молод, двадцать один или двадцать два года от роду, с гладким мальчишеским лицом. Ясные голубые глаза, светлые волосы, длинный нос и надменное выражение. По правде говоря, это был привлекательный мужчина, и привлекательности ему добавляли дорогая кольчуга и толстая золотая цепь на шее. В руке он держал обнаженный меч, и я видел, что тяжелое перекрестье рукояти тоже отливают золотом. Он продолжал смотреть на меня все с той же гримасой надменности.

– И кто это тут у нас такой? – осведомился юнец.

Один из воинов собрался было ответить, но его остановил Фраомар, прибывший вместе с молодым человеком. Фраомар улыбался, как и Анвин.

– Я караульный, – повторил я.

– Старик, ко мне следует обращаться «лорд», – сказал всадник, потом наклонился в седле и поднял меч с золотым перекрестьем так, что острие указывало на мой молот. – Называй меня лордом. И убери с глаз долой дьявольскую штуку, что висит у тебя на шее. Ну, так кто ты такой?

Я усмехнулся:

– Я человек, который вгонит Вдох Змея тебе в задницу и отрежет язык, кусок ты дерьма с крысиной мордой!

– Хвала Господу! – поспешно воскликнул епископ Анвин. – Лорд Утред еще не научился говорить на языке ангелов.

Меч опустился. На лице юнца отразилось удивление. А еще, к моему удовольствию, испуг.

– И обращай ко мне «лорд»! – пророкотал я.

У него не нашлось слов. Конь его заржал и отступил в сторону, а епископ Анвин сделал еще шаг вперед.

– Лорд Элдред, все в порядке, – сказал священник. – Мы тут собрались исключительно потому, что королю Хивелу захотелось снова повидаться с лордом Утредом.

Так вот он какой, этот Элдред, еще один излюбленный спутник Этельстана! Юнец свалил дурака, решив, будто близость к королю делает его неуязвимым, и вдруг обнаружил, что его маленький отряд столкнулся с превосходящим противником в лице недовольных валлийцев и недружелюбных норманнов, а те и другие – враги саксов.

– Оружие не допускается носить в лагере, – повторил Элдред, но уже без прежнего апломба.

– Ты это мне говоришь? – резко спросил я.

Юнец замялся.

– Нет, лорд, – ответил он, едва не подавившись последним словом, потом дернул поводьями, разворачивая коня, и поскакал прочь.

– Бедный мальчик! – Анвин явно забавлялся. – Кстати, лорд, этот бедный мальчик способен причинить тебе немало бед.

– Пусть попробует, – огрызнулся я.

– Но сначала с тобой побеседует король Хивел. Он будет рад тебя видеть. Идем, лорд.

Захватив Финана, Эгила и Берга, я отправился к королю.

* * *

Немало королей доводилось мне встречать. Некоторые, например Гутфрит, были дураками. Другие метались из крайности в крайность, не зная, что делать. И лишь немногие, очень немногие, внушали преданность себе. Одним таким был Альфред, Константин из Альбы – другим, а третьим оказался Хивел Диведский. Ближе всего из этой троицы я знал Альфреда. После его смерти многие спрашивали у меня, каким он был, и я неизменно отвечал, что это был человек настолько же честный, насколько умный. Правда ли это?

Альфред умел лукавить не хуже Константина или Хивела, но для всех троих хитрость всегда служила тому, что в их понимании являлось благом для народа. Я частенько не соглашался с Альфредом, но доверял ему, поскольку это был человек слова. С Константином мы встречались редко, но знавшие его часто сравнивали шотландского правителя с Альфредом. Альфред, Константин и Хивел – три величайших короля моего времени, и все обладали мудростью и врожденным даром повелевать. Больше прочих мне нравился Хивел. Он отличался легкостью в обращении, которой не хватало Альфреду, а душа у него была такой же широкой, как его улыбка.

– Боже мой! – воскликнул он, увидев меня. – Вы только посмотрите, что за дурной ветер ворвался в мой шатер! Я было решил, что это свинья перднула!

– Государь! – Я поклонился.

– Садись, приятель, садись. Конечно, король сайсов наслаждается роскошью большого монастыря, а нам, бедным валлийцам, приходится довольствоваться... – Он обвел рукой громадный шатер, устланный густыми коврами, обогреваемый жаровнями, обставленный скамьями и столами и освещенный множеством высоких, толстых свечей. – Вот этой жалкой лачугой!

Он повернулся и бросил что-то по-валлийски слуге. Тот принес мне полный вина рог. В шатре присутствовало еще человек десять. Они сидели на скамьях вокруг жаровни и слушали арфиста, играющего в тени. Хивел махнул музы-

канту, призывая к тишине, и улыбнулся мне:

– Лорд Утред, ты еще жив! Я рад.

– Государь очень любезен.

– Эге, да он ко мне подлизывается! – Хивел обращался к собравшимся в шатре, большая часть которых, как я подозревал, не понимала саксонского. Но они все равно заулыбались. – Я был любезен с его святейшеством папой, страдавшим от болей в суставах. Посоветовал бедолаге растереть их смесью из животного воска и козлиной мочи, но разве он ко мне прислушался? Ничего подобного! Лорд Утред, а ты не страдаешь от боли в суставах?

– Частенько, лорд король.

– Козлиная моча! Растирайся ею, приятель, растирайся! От этого, может, и исходящий от тебя запах лучше станет!

Он ухмыльнулся. Хивел выглядел в точности таким, каким я его помнил: коренастый, с широким обветренным лицом и глазами, в любой миг готовыми вспыхнуть веселыми искорками. Возраст выбелил его подстриженную бородку и короткие волосы, поверх которых возлежала простая корона из позолоченной бронзы. По виду ему было лет пятьдесят, но выглядел он крепким. Он махнул рукой моим спутникам.

– Присаживайтесь все, ну же! Тебя я помню. – Он указал на Финана. – Ты ирландец?

– Да, государь.

– Финан, – напомнил я.

– Ты дрался как демон, точно! Вот ведь ты бедолага – мне

представлялось, ирландцу должно хватить ума не сражаться за лорда из сайсов, а? А ты кто такой? – Он кивнул на Эгила.

– Эгил Скаллаgrimрсон, государь. – Эгил поклонился, потом коснулся локтя Берга. – А это мой брат Берг Скаллаgrimрсон. Он хочет поблагодарить тебя.

– Меня? С какой стати норманну меня благодарить?

– Лорд король, ты пощадил мою жизнь. – Берг покраснел и поклонился.

– Неужели?

– На берегу, – подсказал я. – Где ты убил Рогнвальда.

Вспомнив о том бое, Хивел помрачнел и перекрестился:

– Правда, то был дурной человек. Я не нахожу удовольствия в смерти, но вопли того типа, словно бальзам галаадский, ублажают мою душу. – Король посмотрел на меня. – Он честен? – Его голова повернулась к Бергу. – Хороший ли он человек?

– Очень хороший, ваше величество.

– Но не христианин, – сухо заметил валлиец.

– Я поклялся привить ему веру. Ибо таково было условие, при котором ты пощадил его жизнь. И я не нарушил своего слова.

– Но он рассудил иначе?

– Да, государь.

– Мир полон дураков, не так ли? А почему, мой добрый епископ, ты держишь в руках стрелу? Решил меня заколоть?

Анвин объяснил, что произошло под покровом темноты.

Говорил он по-валлийски, но мне не требовался переводчик, чтобы уловить смысл. Когда епископ закончил, Хивел сердито хмыкнул и взял у Анвина стрелу.

– Лорд Утред, ты полагаешь, что это сделал кто-то из моих людей? – спросил он.

– Не знаю, ваше величество.

– Стрела убила тебя?

Я улыбнулся:

– Нет, лорд король.

– Значит, это не один из моих парней. Мои быют без промаха. Да и стрела не из наших. Мы оперяем их гусиными перьями. А эти выглядят как орлиные. – Он бросил стрелу в жаровню, и сухое ясеновое древко сразу занялось. – В Британии есть еще люди, которые пользуются длинным охотничьим луком. Мне приходилось слышать, что это искусство понемногу практикуют в Легесестерскире.

– Искусство это редкое, лорд король.

– Что есть, то есть. И мудрость, лорд Утред, тоже редка, а тебе мудрость очень понадобится.

– Неужели?

Хивел указал на человека, сидящего рядом с ним. Его лицо скрывалось под низко надвинутым капюшоном.

– Лорд Утред, странные гости у меня сегодня! – жизнерадостно воскликнул Хивел. – Ты, твои язычники, а вот теперь и новый друг из далекой страны.

Вонь от горящих в жаровне перьев наполнила шатер, ко-

гда человек скинул капюшон и я увидел перед собой Селлаха, старшего сына Константина, принца Альбы.

Я склонил голову.

– Ваше высочество, – произнес я и подумал, что Хивел прав: без мудрости мне не обойтись.

Меня окружали враги Этельстана.

Глава 4

Некогда, много лет назад, Селлах был заложником, и за тот год, что он прожил у меня, я проникся к нему симпатией. Но тогда принц был мальчишкой, теперь же стал мужчиной в цвете лет. Внешне он походил на отца: те же коротко постриженные каштановые волосы, голубые глаза и серьезное выражение лица. Селлах осторожно улыбнулся, но ничего не сказал.

– Ты ведь наверняка согласишься, – заявил Хивел, – что такое событие как съезд королей Британии стоит отметить?

– С какой стати, ваше величество?

Уловив мой скепсис Хивел улыбнулся:

– Лорд Утред, как думаешь, зачем нас тут собрали?

Я дал ему тот же самый ответ, что и Эгилу по пути в Бургем.

– Он, как пес, метит свою территорию.

– Выходит, король Этельстан решил помочиться на нас? – усмехнулся Хивел. Я кивнул, Селлах поморщился. – Или же, – взгляд валлийца устремился к крыше шатра, – он делает метки за пределами своих границ? Расширяет владения?

– Разве? – отозвался я.

Хивел пожал плечами:

– Лорд Утред, тебе лучше знать. Ты ведь его друг, не так ли?

– Я считал себя таковым.

– Ты сражался за него! В народе до сих пор ходят легенды о твоём сражении при лунденских воротах!

– Государь, рассказы про битвы часто преувеличивают. Два десятка человек устроят драку, а в песнях она превращается в героическое кровопролитие.

– Это точно, – радостно согласился Хивел. – Но я люблю поэтов! Благодаря им мои жалкие стычки разрастаются до размеров побоища при Бэдоне! – Он хитро улыбнулся и обратился к Селлаху: – Вот то была великая битва, лорд принц! Войска исчислялись тысячами! И мы, бритты, устроили сайсам настоящую резню в тот день! Они валились под нашими копьями, как спелая пшеница под серпом. Уверен, лорд Утред тебе поведаёт.

– Это случилось триста лет назад, – сказал я. – Или четырёхста. Даже я не настолько стар!

Хивел хмыкнул:

– А теперь вот король сайсов заявляется, чтобы помочиться на нас. Ты прав, лорд Утред. Он выдвинул перед королём Константином почти те же самые условия, которые предъявил мне год назад. Тебе известны эти условия?

– Я слышал, что они довольно суровы.

– Суровы?! – Хивел вдруг помрачнел. – Твой король Этельстан затребовал двадцать четыре фунта золота, триста фунтов серебра и десять тысяч голов скота в год. В год! До самого второго пришествия! А ещё мы обязаны поставлять

ему соколов и гончих! Каждую весну нам следует посылать в Глевекестр сто птиц и двести охотничьих собак, чтобы он мог выбрать лучших.

– И ты платишь? – Я задал вопрос, хотя уже знал ответ.

– А какой у меня выбор? В его распоряжении армии Уэссекса, Мерсии и Восточной Англии. У него флот, а в моей стране до сих пор полно мелких королевств, которые грызут меня как блохи. Я могу бросить вызов Этельстану! Но чем это все закончится? Если мы откажемся платить, он заявится к нам со всей своей ордой, корољки присоединятся к нему, и Диведу наступит полный конец.

– Значит, будешь платить до второго пришествия? – спросил я.

Хивел мрачно улыбнулся:

– Лорд Утред, до конца времен далеко, а колесо Фортуны имеет свойство вращаться, разве не так?

Я посмотрел на Селлаха:

– У твоего отца он потребовал столько же, лорд принц?

– Больше, – бросил Селлах.

– А теперь он хочет добавить к своей орде и нортумбрийскую армию, – продолжил Хивел. – Лорд Утред, он мочится за пределами своих владений. Он мочится на тебя.

– В таком случае он делает ровно то, что и ты, – спокойно возразил я. – Разве не так ты поступаешь с корољками, донимающими тебя как блохи? Или как поступает твой отец, – я повернулся к Селлаху, – или как поступил бы он с Овейном

из Страт-Клоты или с Гебридским королевством. Или... – Я помедлил, но решил-таки это сказать: – Как ты хотел бы поступить с моими землями.

Селлах просто смотрел на меня. Он наверняка знал о визите Домналла в Беббанбург, но никак этого не выдал.

Хивел, должно быть, уловил возникшее между нами напряжение, но сделал вид, что ничего не происходит.

– Король Этельстан заявляет, что вершит мир! – заявил он. – Разве не большинство христиан стремится к этому?

– Мир? – переспросил я таким тоном, будто никогда прежде не слышал этого слова.

– И вершит он его, заставив нас собраться в этой богом забытой дыре и признать его нашим... – Тут он помедлил. – Как бы точнее выразиться? Нашим верховным королем?

– *Monarchus Totius Britanniae*, – раздался гнусавый голос из тени в глубине шатра. Посмотрев туда, я разглядел сидящего на скамье священника. – Монархом всей... – начал было переводить поп.

– Мне известно, что это значит, – перебил я его.

– И монарх всей Британии будет попирать нас своей пятой, – тихо сказал Хивел.

– Мочиться на нас, – сердито добавил Селлах.

– А чтобы поддерживать этот христианнейший мир, – продолжил Хивел, – нашему верховному королю потребуются сильный гарнизон на своих границах.

– Христианский гарнизон, – вставил Селлах.

Я снова промолчал. Хивел вздохнул:

– Лорд Утред, ты понимаешь, о чем мы говорим. Больше нам ничего не известно. Люди присягали Этельстану, как послушные дети! Я поклялся хранить мир, как и Константин. Даже Гутфрит преклонил колени.

– Гутфрит?!

На лице Хивела выразилось отвращение.

– Он квакал как лягушка и поклялся предоставить войскам Этельстана кров в его стране. Все эти клятвы засвидетельствованы священниками. Они записали их на пергаменте, запечатали воском и раздали нам копии. Вот только одна клятва была дана в тайне. И все мои лазутчики не смогли разузнать, в чем она заключалась. Известно лишь, что на колени перед королем вставал Элдред.

– И не в первый раз, – ввернул Селлах ехидно.

Я пропустил это мимо ушей.

– Элдред дал клятву? – переспросил я у Хивела.

– Дал. Вот только какую? Нам это не известно. После клятвы с Элдредом никто не смог побеседовать, зато нам сообщили, что теперь он олдермен и мы должны называть его лордом! Но олдермен чего? Или где?

Наступила тишина, если не считать легкого шороха капель по крыше шатра; дождь налетел и быстро прошел.

– Мы не знаем где? – спросил я.

– В Камбрии? – предположил Хивел. – Или в Нортумбрии?

– А может, в Беббанбурге? – буркнул Селлах.

Я отвернулся и сплюнул.

– Не нравится мое гостеприимство? – с иронией осведомился Хивел.

Я сплюнул вновь, выполняя обещание, данное Бенедетте, потому что не хотел верить в предположения Селлаха.

– Я только что повстречался с Элдредом, – сообщил я Хивелу.

– Ого! Я бы тоже сплюнул. Надеюсь, ты не забыл, что его следует называть лордом?

– Помнится, я обозвал его куском дерьма с крысиной мордой или вроде того.

Хивел расхохотался, потом встал. Мы тоже поднялись.

– Время позднее, – сказал валлиец. – Но я бы хотел прогуляться с тобой, лорд Утред.

У входа в шатер ждали два десятка моих людей. Они потянулись за нами, как и в два раза большее число воинов Хивела.

– Едва ли твой лучник попытается снова, – предположил король. – Но лучше уж поостеречься, да?

– Не попытается.

– Это не один из моих людей, отвечаю. Я не в ссоре с Беббанбургом.

Мы медленно шли в направлении огней, отмечавших мой лагерь. Несколько шагов проделали молча, потом Хивел остановился и тронул меня за локоть:

– Лорд Утред, колесо Фортуны вращается медленно, однако оно вращается. Ныне не мой счастливый час, но он придет. Вот только я сомневаюсь, что Константин захочет ждать поворота колеса.

– И тем не менее он дал Этельстану клятву?

– Когда на твоей границе объявляется король во главе трех тысяч воинов, какой у тебя остается выбор?

– Трех тысяч? Я слышал, что их только две тысячи.

– Две тысячи вокруг Эофервика и еще по меньшей мере тысяча здесь. А король Константин не хуже любого другого умеет считать щиты. Его принудили дать обещание не вмешиваться в дела Нортумбрии и заплатить дань. Он уступил.

– Значит, он связан клятвой, – пробормотал я.

– Вы с Этельстаном тоже связали себя взаимной клятвой, однако всем в Британии известно, что с нею случилось. Король обещал не вторгаться в твою страну, и вот он здесь. Лорд Утред, мы с тобой следуем старинным обычаям и верим в силу клятв, но теперь есть такие, кто говорит, что клятва, данная под принуждением, вовсе не обязательна.

Я поразмыслил над этим.

– Возможно, они правы. Какой же это выбор, если тебе меч приставят к горлу?

– Выбор есть: не давать клятву! Подписать вместо этого договор, допустим. Но поклясться на копье Карла Великого? На том самом острие, что пронзило бок Господа нашего? – Он вздрогнул.

– Но ты ведь поклялся? – Я предположил, что вопрос раздосадует его.

Вместо этого валлиец развеселился. Он хмыкнул, затем снова тронул меня за локоть, предлагая продолжить прогулку.

– Я поклялся хранить мир, не более того. А что касается дани? Я согласился ее платить, но клятвы не давал. Сказал, что не могу связывать моих преемников, и мальчишка меня понял. Лорд Утред, его это не обрадовало, но он не дурак и не хочет проблем с валлийцами, пока взгляд его устремлен на север.

– А как Константин? – поинтересовался я. – Он сдержит свою клятву?

– Нет, если намерен сохранить трон. Его лорды будут недовольны тем, что король позволил себя унижить, а скотты – народ гордый. – Хивел проделал еще несколько шагов в молчании. – Константин – хороший человек, хороший христианин и, уверен, хороший король, но он не может позволить себе быть униженным. Так что этой клятвой он купил какое-то время. Будет ли Константин верен клятве? Данной Этельстану, этому мальчишке, нарушающему свои обещания? Лорд Утред, хочешь мое мнение? Константин не станет долго ждать, а его королевство сильнее моего, намного сильнее!

– Думаешь, он пойдет на юг?

– Думаю, он не позволит надеть на себя ярмо. Мне бы и

самому хотелось поступить так же, но теперь, если я хочу сохранить свою страну, мне нужен мир с сайсами. Но Константин? Он замирился со Страт-Клотой и сделает то же самое с Гиблеаханом с Гебрид и с дикими зверями, что населяют Оркнейяр, и тогда у него не останется врагов на севере и будет войско, способное бросить вызов Этельстану. На месте молодого Этельстана я бы обеспокоился.

Мне вспомнились дракон и падающая звезда: оба явления пришли с севера и оба, если Хивел прав, предвещали войну.

– Я молюсь о мире, – продолжил Хивел, словно прочитав мои мысли, – но боюсь, что грядет война. – Голос его стал ниже. – Это будет большая война, и Беббанбург, по рассказам, хотя и неприступный, окажется малым местечком, зажатом между сильными державами.

Он остановился и положил мне руку на плечо.

– Лорд Утред, хорошенько подумай, прежде чем выбрать сторону. Хорошенько подумай. – Король вздохнул и поднял взгляд к затянутому облаками небу. – Завтра будет дождь. Я желаю тебе спокойного сна.

Я поклонился:

– Спасибо, ваше величество.

– Хоть ты и сайс, – бросил Хивел, уже уходя, – но мне всегда приятно встречаться с тобой!

Встреча с ним тоже была удовольствием, по меньшей мере в своем роде. Так, значит, Элдред стал олдерменом. Вот только чего? Нортумбрии? Камбрии?

Или Беббанбурга?

Спал я плохо.

* * *

Финан той ночью взял на себя первую стражу, расставив вокруг наших шалашей дюжину караульных. Поболтав немного с Эгилом, я устроился на ложе из папоротника. Когда проснулся на рассвете, шел дождь. Налетевший с востока ливень затушил костры и вычернил небо. Эгил настоял, чтобы часть его людей пошла в дозор вместе с моими, но лишь одному из них нашлось о чем доложить.

– Господин, я видел полярную сову, – сообщил мне норманн. – Она летела низко.

– В какую сторону?

– На север, господин.

На север, в направлении маленького лагеря Гутфрита. То был знак. Сова олицетворяет мудрость. Но она улетала от меня? Или указывала на меня?

– Эгил еще здесь? – спросил я у норманна.

– Ушел перед рассветом.

– Куда ушел? – Ко мне присоединился Финан, закутавшийся от дождя в плащ из тюленьей шкуры.

– На охоту, – сказал я.

– На охоту? В такую непогоду?

– Вчера вечером он говорил, что заметил за рекой вепря. –

Я махнул рукой в сторону юга, потом снова обратился к норманну. – Сколько человек он взял?

– Шестнадцать, господин.

– Обогрейся и отдохни немного, – велел я воину. – А мы с Финаном разомнем коней.

– У нас для этого слуги есть, – проворчал ирландец.

– Только ты и я, – был мой ответ.

– Что, если Этельстан пришлет за тобой?

– Значит, обождет, – бросил я и приказал моему слуге Алдвину седлать коней.

Затем при налетающем порывами ветре и морозящем дожде мы с Финаном поскакали на север. На моем друге, как и на мне, была боевая кольчуга, кожаная поддевка которой от дождя стала сальной, холодной и сырой. Я надел шлем, а на боку у меня висел Вздох Змея. Вокруг раскинулись шатры и шалаши воинов Британии, которые собрались скрепя сердце по призыву Этельстана.

– Погляди на них, – сказал я, пока наши лошади выбирали дорогу. – Этих людей собрали здесь, чтобы заключить мир, но все они до единого ждут войны.

– Ты тоже? – спросил Финан.

– Война грядет, и что я намереваюсь сделать, так это укрыться за стенами Беббанбурга и отгородиться от всего остального мира.

– И ты думаешь, мир оставит тебя в покое? – буркнул Финан.

– Нет.

– Твои земли разграбят, скот перебьют, усадьбы предадут огню, а поля опустошат, – перечислил он. – Какой тогда тебе прок в высоких стенах?

– Ты полагаешь, Этельстан на самом деле передал Беббанбург Элдреду? – спросил я вместо ответа. Этот вопрос не давал мне спать ночью.

– Он дурак, если так поступил, – проворчал Финан. – Неужели ты нужен ему в качестве врага?

– У него тысячи воинов, – отозвался я. – А у меня сотни. Чего ему бояться?

– Тебя, – напомнил ирландец. – Меня. Нас.

Я улыбнулся и повернул на восток. Мы ехали вдоль северного берега реки Лаутер, которая вздулась благодаря буре. Вода, бурля и пенясь, бежала по ее каменистому руслу. Лагерь Гутфрита, съездившийся под холодным дождем и ветром, лежал слева от нас. Людей там видно было мало, большинство укрылось от непогоды. С полдюжины женщин тащили в деревянных ведрах воду из реки. Они с опаской посмотрели на нас, потом понесли тяжелую ношу туда, где дымили пережившие ночной дождь костры. Я осадил скакуна и обвел взглядом палатки Гутфрита.

– Мне Этельстан приказал взять всего тридцать человек, – обратился я к спутнику. – А сколько народа у Гутфрита, как думаешь?

Финан пересчитал крыши:

– Сотня по меньшей мере. – Он поразмыслил, потом нахмурился. – По меньшей мере сотня! Тогда что мы тут торчим? – Ирландец ждал ответа, но я молчал и только смотрел на лагерь Гутфрита. – Ты из себя мишень решил сделать?

– Для лучника? Ни один лук не выстрелит в такой дождь, тетива намокнет. К тому же вон те парни наблюдают. – Я кивнул в направлении отряда западносаксонских всадников, ждавших на дороге по ту сторону лагеря Гутфрита. Дорога пересекала вброд реку Эмотум, а потом вела на север к шотландским землям. Скорее всего, наблюдали за бродом те самые воины, что остановили нас на пути, – воины, на которых возложена была задача блюсти порядок.

– Поедем дальше на восток, – предложил я.

По ходу нашей прогулки ярость дождя несколько поутихла, ветер уже не задувал с такой силой, а над горами на востоке низко плыли более светлые, чем прежде, облака. Мы следовали реке мимо небольших рощиц и чахлых пастбищ.

– Так, значит, Гутфрит присягнул Этельстану? – произнес я.

– Но все равно будет воевать на стороне Константина, – проворчал Финан.

– Вероятно. – У меня из головы не выходил совет Хивела тщательно выбирать сторону. Мой род владел Беббанбургом в течение без малого четырех веков, хотя нас окружали королевства чужеземцев-северян, данов или норманнов. Теперь Нортумбрия осталась последним государством язычников, и

Этельстан с Константином с жадностью взирали на нее, норовя прибрать к рукам.

– Тогда почему Этельстану не проще было взять и убить Гутфрита? – размышлял я вслух.

– Из-за Анлафа, конечно, – уверенно заявил Финан.

Анлаф. Этот человек пока был для меня всего лишь именем, но имя это становилось все более знакомым и пугающим. Молодой норманн, король Дифлина в Ирландии, стремительно заслуживший себе славу, и слава эта говорила о нем как о воине, которого стоит опасаться. Он завоевал большинство остальных норманнских государств в Ирландии, и, судя по донесениям с острова, в его распоряжении имелся флот, способный заполнить море.

– Гутфрит – родич Анлафа, – продолжил Финан. – Если Гутфрит умрет, Анлаф заявит претензии на трон по праву наследия. И перебросит через море свое войско. Ему нужна Нортумбрия.

Я принял немного севернее, укрывшись в рощице. Поглядел в ту сторону, с которой пришли. В небе висела пелена дыма от сотен костров. Финан остановил коня рядом с моим.

– Думаешь, Гутфрит будет преследовать нас? – поинтересовался он.

– Я подозреваю, что вчерашний лучник был одним из его людей.

– Вполне возможно.

– А моя смерть станет подарком Этельстану, – с горечью

добавил я.

– Потому что он хочет Беббанбург?

– Он нуждается в нем. Ему нужны крепости по всему северу, и он понимает, что я никогда не уступлю Беббанбург. Никогда.

Финан, со шлема которого дождевые капли стекали на седую бороду, помолчал с несколько ударов сердца. А потом напомнил:

– Этельстан всем обязан тебе.

– Он возвысился надо мной. Он король Британии, а я стар и неуправляем. Ему нужна новая Британия с Инглаландом во главе, и я – мелкий языческий камешек в королевском христианском сапоге.

– Что ты будешь делать?

Я пожал плечами:

– Ждать, когда он меня призовет. Выслушаю его, потом решу. – Я криво усмехнулся. – Если останусь жив.

Я кивнул в сторону запада. Около дюжины всадников, следовавших за нами, появились среди невысоких деревьев на речном берегу. Они были в кольчугах, шлемах, с копьями, мечами и щитами, на которых скалился вепрь Гутфрита.

Мы поскакали дальше на восток, уже быстрее: из-под тяжелых копыт коней полетели комья сырой земли. Справа Лаутер нес свои воды к месту впадения в реку Эмотум, что пряталась за густыми деревьями слева от нас. Другая рощица располагалась впереди, и, оказавшись в ней, мы скрылись от

преследующих всадников.

– Пойдем туда? – предположил Финан, указав на север, где берег реки густо порос деревьями. Спрятавшись в этой, более широкой полосе леса, мы получили бы шанс оторваться от погони, но я покачал головой.

– Едем дальше.

– Но...

– Едем!

Я нырнул под низкую ветку и погнал коня по мокрому лугу. Впереди было видно теперь, как сближаются две реки.

– Мы сумеем перебраться через них? – спросил Финан.

– Перейдем через Лаутер при необходимости. – Я махнул в сторону реки справа. Идея не вызывала у меня восторга, так как хотя речка и была мелкой, зато пенилась и бурлила, неся воды по каменистому ложу. – Но я предпочел бы не пробовать, так как стоит споткнуться, и эти ублюдки навалятся на нас. Лучше оставаться между реками.

– Ощущение такое, будто реки сливаются!

– Так и есть.

Финан удивленно посмотрел на меня. Мы оказались на узкой полоске земли, где встречались два потока, а всадники Гутфрита преграждали нам путь обратно к лагерю. До Финана дошло отсутствие озабоченности в моем голосе. Он обернулся, хмуро поглядел на быстро бегущие реки, потом – на густые заросли, все еще тянувшиеся слева от нас, и коротко хохотнул.

– На вепря поохотиться уехали! Ну и пройдоха ты, лорд!

– Да неужели?

Ирландец снова рассмеялся, начав вдруг радоваться тому, что выехал со мной на прогулку под дождем. Мы забрали к северу, в направлении деревьев, а за нашей спиной показались преследователи. Они находились еще далеко, но наверняка уже сообразили, что мы в ловушке между двумя вздувшимися после ливня реками. Я осадил коня и развернулся лицом к погоне. Если Эгила нет в условленном месте, то мы и впрямь в ловушке, но я доверял норманну не меньше, чем Финану.

– Я искушаю Гутфрита, потому что есть тут много такого, что мне не понятно, – пояснил я.

Всадники Гутфрита – я пока не брался сказать, присутствует ли среди них сам король, – растягивались в линию, гоня нас в направлении узкого мыса, где два потока, кружа водоворотами, сливались в один. Преследователи приближались медленно и осторожно, но уверенно, полагая, что бежать нам некуда.

– Не знаю, что Гутфрит и Этельстан пообещали друг другу, но хотел бы это выяснить. – Я помедлил, наблюдая за всадниками. Те находились еще в двух сотнях шагов от нас, тогда до зарослей было шагов пятьдесят. – Вот-вот начнется.

– Ты уверен, что Эгил здесь?

– А какая разница? Их всего двенадцать, а нас двое. О чем тут беспокоиться?

Финан расхохотался:

– И Гутфрит один из них?

– Мы прикончим ублюдка, – сказал я. – Но сначала спросим его.

Пока я это говорил, наши преследователи пришпорили коней. Они опустили копья и взяли на изготовку щиты, а из-под копыт мощных скакунов летели комья мокрого дерна. Мы тут же погнали лошадей на север, к рощице, как если бы надеялись найти убежище среди деревьев. Переводя жеребца в галоп, я заметил, как в листве блеснул наконечник копья.

И Эгил Скаллагримрсон вышел под знаменем с распростершим крылья орлом. Его конники выскочили из рощи двумя отрядами: один направился прямо на людей Гутфрита, другой стал обходить их, отрезая путь к отступлению. Привстав на стремянах, Эгил издал боевой клич и поднял омытый дождем меч Аддер, а рядом с ним ехал его брат Торольф – здоровенный детина на высоком коне с готовой к бою секирой. Норманны жаждали боя, и мы с Финаном развернули коней, чтобы примкнуть к атаке.

Воины Гутфрита не сразу сообразили, что оказались в капкане. Полагая, что это мы загнаны в ловушку, они неслись под бьющим в лицо дождем, когда раздался тревожный крик. Подобно нам, они повернули коней на Эгила, и один из скакунов поскользнулся и упал. Всадник, которому конь придавил ногу, закричал от боли. А потом в них врезались

копейщики Эгила и одним махом выбыли троих из седел. Кровь под утренним ливнем. Эгил отвел Аддером копье противника, потом рубанул врага по лицу. Остальные, отрезанные вторым отрядом всадников, уже бросали мечи и копья, прося пощады. Только один пытался сбежать, терзая шпорами бока своего жеребца в стремлении добраться до Лаутера.

– Мой! – Финан бросился в погоню.

– Он нужен мне живым! – крикнул я.

Ножны наездника болтались в такт скачкам лошади по влажному дерну. На миг мне показалось, что это сам Гутфрит, но беглец был слишком худым, а из-под шлема виднелась косица русских волос.

– Живым! – гаркнул я снова, устремляясь за Финаном.

Всадник заставил коня спрыгнуть с обрывистого берега в быстрые воды Лаутера. Конь упирался, шпоры вновь окровавили его бока, потом одно из передних копыт ударилось, видимо, о скрытый под белой пеной камень, и лошадь завалилась. Наездник упал вместе с ней, каким-то чудом не выпустив из рук меч и щит. Он даже высвободил ногу и попытался встать, но спешившийся Финан уже возвышался над ним, приставив Похитителя Душ к горлу. Я остановился у самого берега. Лошадь упавшего выбралась на сушу, а сам он попытался было достать Финана клинком, но успокоился, когда острие Похитителя Душ прокололо ему кожу на шее.

– Ты хотел с ним поговорить, – сказал Финан, наклонившись, чтобы забрать у пленника меч. Им оказался Колфинн,

тот самый юнец, что вызвал меня на бой в день нашего приезда в Бургем. Ирландец бросил меч на берег, потом рывком поднял Колфинна на ноги. — Выходи из реки, мальчишка. И щит тебе больше не понадобится.

Колфинн, с которого ручьями стекала вода, выбрался на илистый берег. Он шагнул было к своему коню, но Финан огрел его Похитителем Душ по шлему:

— Лошадь тебе тоже ни к чему, парень. Пешком пойдешь.

Колфинн зыркнул на меня. Видно, хотел что-то сказать, но передумал. Длинная мокрая косица прилипла к спине, а в сапогах, когда он зашагал к остальным пленникам, стоящим в кольце копий, хлюпало.

— Слишком гладко все получилось, — буркнул Эгил, когда я подошел к нему.

В наших руках оказалось восемь пленников. У всех отобрали кольчуги, оружие и шлемы. Во главе их стоял угрюмый тип по имени Хоберн. Я отвел его в сторонку, а тем временем остальные, под угрозой норманнских копий, бросали тела убитых товарищей в Лаутер. Один из парней Эгила потребовал у Колфинна снять доспех, но я его остановил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.